

Аннотация

В последнее время стало модно писать о вампирах. Настолько модно, что их эгрегор теперь сильно подпорчен. Полидори со Стокером вернутся в гробу, а современным готическим романистам ничего не остаётся, кроме как портить (или реабилитировать?) другую нежить.

Студентка Жанна приезжает к родственникам в захолустный городок, где пробуждает маганежить, проспавшего сотню лет. Злодейская любовь, поиски утерянного артефакта, смерть, безумие, магия и ницшеанская философия. Чем закончится этот трэш? Что ждёт злодея в изменившемся мире? Что случится с Жанной? Удастся ли мирному населению загнать зло обратно в Ад и сберечь свои мозги от безумия?

Эту книгу не стоит читать гуманистам и особенно – верующим. Зато готам, сатанистам и прочим тёмным она может понравиться.

Глава 1

Жанна вышла из поезда, и её почти сразу заметили в толпе радостные родственники. Через многочисленные торговые палатки они повели её к автобусной остановке, непрерывно галдя, как они соскучились, какой маленькой они её помнят и как у них сейчас дела. Жанна не особо внимательно слушала. Ей хотелось осмотреть городские постройки этого в общем-то типичного, но непривычного для Жанны административного центра, сравнить их с более привычными московскими многоэтажками, не терпелось прогуляться в местном парке (жаль, что так холодно) или дочитать, наконец, Оскара Уайльда, сидя... да где угодно, лишь бы не было так шумно. Можно было бы и в гостинице остановиться, да денег на это жаль. Когда живёшь на одну стипендию, да изредка делая курсовые работы более ленивым студентам за небольшую плату, становится не до роскоши.

Да и вообще, вырваться бы куда-нибудь за пределы стран СНГ, хотя бы в Румынию, ведь это всего лишь по другую сторону Карпат.

Опять баба Шура о своём:

- Вася женился недавно. А Ване, Алёшиному сыну, на прошлой неделе 5 лет исполнилось...

- Да-да, понятно.

- А как там твои дела? Учишься? А мальчик есть?

- Учусь. Никого нет.

- Ну, ты пообщительнее будь, а то, небось, всё с книжками сидишь.

- Мне приятнее иметь дело с книгами, чем с людьми. Книгу можно в любой момент закрыть, а людей заткнуть сложнее.

- Зачем ты так о людях? Людей любить надо.

- Кому надо? Зачем надо?

- А как же не любить?

- Любить надо только тех, кто этого заслуживает. Иначе любовь нивелируется, превращается в простую вежливость.

- Ну что ты такая угрюмая? Будь проще, и люди к тебе потянутся.

- Не надо ко мне тянуться.

Баба Шура обиженно замолчала. Не выдержав напряжённой паузы в разговоре, она решила возобновить его:

- А представляешь, я вчера червяка в картошке нашла, большой такой, да шевелится! Я так испугалась, у меня аж давление поднялось!

«Зачем мне это всё выслушивать? Родственники, картошка, червяки. Какими мелочными проблемами живут люди! Как они не перевешались ещё от такой скуки? Чему они радуются? Почему мне, с моим доступом к любой музыке, любым фильмам и книгам, так тоскливо, а им хватает и телевизора? И вряд ли дело в одиночестве, если мне в нём веселее, чем в любой компании. Возможно, я не вписалась в этот мир, хочу слишком многого и странного...

А она всё болтает о чём-то и не замечает, что я её не слушаю. Впрочем, уже не важно. Наконец-то подошли к дому».

Глава 2

«Наконец-то сегодня не -20 °С. Уже можно нос в шарф не закутывать, перчатки можно иногда снимать, а зарядка плеера будет держаться подольше, чем два часа. Где бы прогуляться... Тут была заброшка! Раз никто не навязывается с «обязательной» культурной программой, то надо пользоваться случаем».

Заброшка представляла собой особняк, построенный лет 200 назад. Особняк был расположен на отшибе, где не было никаких других построек. Неподалёку был лес и старое, редко кем посещаемое кладбище. Ещё неподалёку, рядом с кладбищем, стояла небольшая церковь – единственное место, регулярно посещаемое людьми, в этом запущенном, никому не нужном районе.

Но Жанну церкви не интересовали. Как, впрочем, и люди. Другое дело – места, свободные от них. Снег по колени, трава по пояс, не выравненные ямы и ухабы – не важно. Физическая подготовка и «неубиваемые» ботинки дают возможности, о которых многие и не подозревают. Легко ли около протоптанных троп найти участок, не заваленный бесчисленными банками, пакетами, сигаретными пачками? Часто ли в местах, специально оборудованных для отдыха и развлечений, можно послушать тишину, а не детские крики? В крупных городах и ближайших к ним пригородах таких мест почти не осталось.

«И почему из этого здания не сделали музей, как это обычно бывает? Когда-то тут было очень красиво», - думала Жанна, уже нацелив объектив фотоаппарата на пейзаж. - «Фото получилось, но с реальным видом не сравнится. Освещение, что ли, плохое? Ладно, что там дальше?»

Проваливаясь в сугробы, Жанна подошла вплотную к стенам. Стены были пустые, краска во многих местах облезла, и даже никаких надписей нет.

Странно. Впрочем, место тут и правда неприятное, хоть и выглядит величественно. Почему-то хочется уйти побыстрее. Такое ощущение, что в любой момент на голову свалится кирпич или что-то похуже.

Залезла внутрь. В одном из окон покосилась ставня, и, чтобы пролезть, нужно было всего-то нужно оторвать эту подгнившую доску. Изнутри дом выглядит совсем иначе, словно из привычного мира попадаешь в другую реальность. Будто нет ни смены времён года, ни вообще времени, ни людей, ни животных. Только слабый, но противный запах.

«Зачем я вообще сюда полезла? Судя по запаху, здесь кто-то сдох. Пойти назад, что ли? Да что же здесь происходит? На ночлег для бомжей не похоже. Маловероятно, что тут вообще кто-то был за последние несколько лет. Да и я, если уйду, уже не заставлю себя сюда вернуться. Поэтому осмотрю тут всё, что можно. Аномальная зона, всё-таки».

Деревянный стол с неаккуратной стопкой книг. Предметы непонятного назначения. Огромные пыльные книги, их столько, что и не сосчитаешь. Старинная лампа. Домой не утащишь, но сфотографировать надо бы. Какой-то пыльный ящик. Да это же гроб! А в нем - тело...

Глава 3

Тело принадлежало мужчине. Возраст не определить. И лежит он здесь явно давно. Но почему его не съели черви? Скорее он начал сохнуть, как мумия. Да уж, это путешествие запомнится надолго...

Шею покойника украшала цепочка с крупным драгоценным камнем. Судя по всему, изумрудом.

«Ни фига себе артефакт! Не зря зашла», – подумала Жанна. Суеверностью она не отличалась, как и высокими моральными принципами. Не раздумывая потянулась к камню, чтобы рассмотреть получше и затем аккуратно снять.

И тут словно сильно ударило током, Жанна даже не успела инстинктивно отдернуть руку, как была схвачена рукой покойника за запястье. Он открыл глаза – они были такого же изумрудного цвета. Моментально приподнялся и невесть откуда вытащил кинжал. Жанна оказалась прижата к стенке: острое лезвие почти касалось шеи, рядом ощущалось тяжёлое дыхание.

– Каждый хочет что-то взять, но думает ли он, что вместо этого придётся нечто потерять? – сказал громоподобный голос.

Бежать? Раньше надо было думать... Теперь ноги не слушаются. Да как вырваться из этих проклятых костяных тисков? Надо бы извиниться, сказав в своё оправдание, что не хотела потревожить чей-то покой, но и голос тоже не слушается... Ну хотя бы нет дурацкого истеричного визга, который бы все равно не помог.

«Это определённо сон. Меньше надо всякую муть читать. Вот только почему я не просыпаюсь?» - проносились мысли в её голове.

Жанна слабела, а покойника, наоборот, наполняла сила. Теперь это был не просто скелет, обтянутый кожей. Всё такой же болезненно худой мужчина без возраста, но уже почти живой. Узкое бледное лицо со впалыми щеками, огромными злобными глазами, правильным греческим носом и тонкими губами. Выцветшие патлы, сухие как солома, доходили до середины спины.

Одет он был в чёрную, местами изорванную мантию. На руках виднелись застарелые, не до конца затянувшиеся шрамы. Но при всех этих жутких чертах было в нём что-то невыразимо прекрасное.

«Ожившие мертвецы? Я окончательно двинулась мозгами, пора лечиться. Реальность объективна? Объективна?! Да, и у меня, наверное, особая девиация. Пассивная некрофилия. И дался мне этот камень, когда тут её обладатель, ещё большая и необычная редкость».

Гипнотизирующие зелёные глаза поймали её взгляд, полностью лишив воли.

– Ну зачем же так мучать? Убей меня поскорее, - тихо прошептала Жанна.

– Зачем убивать того, кто ещё не жил? – тот же пробирающий до костей голос.

Казалось, он выбирает модуляции, пытаясь сделать звучание более привычным для человеческого уха. Получалось пока не очень.

– Какой сейчас год? – неожиданно спросил мертвец. Хватку он уже ослабил, но вырваться и бежать Жанна почему-то передумала.

– 2013.

– Почти 100 лет проспал. Почему Демьян меня не разбудил...

– Вы вампир?

– Хм... не совсем. Разве что энергетический. Давай обращаться на «ты»? Хотя, как говорится, имя мне Легион, общаешься ты с вполне конкретной сущностью. Я один.

– Давай, – неуверенно ответила Жанна.

«И всё-таки, кто это?» - думала она. Хотелось рассмотреть его более детально, но больше всего на свете Жанна боялась снова заметить на себе этот пронизывающий и сводящий с ума взгляд. Рассматривая узор на стенах и до боли царапая ногтями собственную руку, чтобы наказать себя за неловкость, Жанна ждала, что будет дальше.

– Забыл представиться. Сильвиус.

– Жанна.

– Как ты залезла сюда?

– Через окно. Я думала, что этот дом пуст! Хотела просто посмотреть и уйти.

– Надо будет заделать, - сказал Сильвиус, подойдя к открытому окну. – А ведь до тебя никто не лез. Хорошая была защита, но и она не вечная. Ты поняла, что именно вернуло меня к жизни?

– Моя попытка... - Жанна хотела договорить, но запнулась.

– Твоё тепло.

Сильвиус снова протянул руку в направлении Жанны, пытаясь то ли приобнять, то ли снова схватить. Жанна, сама того не ожидая, прильнула к нему. Или это он её к себе притянул? Страх испарился, будто его и не было. Так бы и сидеть, не двигаясь и ни о чем не думая. Все предметы и

явления вокруг словно перестали существовать. Остались только холодные губы. Так странно. Похоже, что запах тлена шёл от помещения, но не от Сильвиуса.

Если попытаться врубиться, что тут вообще происходит... Зашла на 10 минут посмотреть здание и зависла в нем на неопределённое время. С трудом заставила себя войти, а сейчас, как ни в чём не бывало, сидит на коленях у таинственного и опасного существа из какого-то другого измерения. И это существо тоже вроде как не против.

Словно прочитав её мысли, Сильвиус сказал:

– Ладно, вставай, а то окоченеешь. Завтра я буду ждать тебя здесь же.

– А ты все это время будешь тут?

– Почему же? Выйду, осмотрюсь. И, на всякий случай: надо ли говорить, чтобы ты никому не сообщала, где ты была и что видела?

– Меня всё равно за сумасшедшую приняли бы.

Оглядываясь, Жанна пошла к выходу. Сильвиус помог поднять тяжёлый засов и подтолкнуть дверь, словно намертво приросшую к порогу.

– Бесплезно. Снегом засыпано, наверное, – сказала Жанна. – Придётся снова лезть через окно.

***

Придя домой, Жанна без сил упала на кровать. Баба Шура, размахивая руками, всё крутилась рядом, спрашивая, не заболела ли она. Жанна кое-как отбрехала:

– Всё нормально. Ходила гулять и устала с непривычки.

Успокоившись, бабка переключилась на тему еды, спрашивая, что бы приготовить к столу. Часа через три стемнело. В доме собрались многочисленные родственники, некоторых из них Жанна не помнила ни в лицо, ни по именам.

За столом пришлось слушать всё те же дурацкие разговоры:

– А Вася-то что не пришёл? – спросил какой-то дед.

– За границу уехал, – ответила бабка.

– А Ванька-то растёт весь в отца! – восторженно поделилась тётка.

– И уже слов нехороших от него набрался! – прокомментировала та же бабка.

– А Шурка-то позавчера червяка в картошке нашла! Большого такого! – решил сменить тему дед.

– Ну что вы за столом-то о таких вещах? – с негодованием закричала тётка.

– А чем червяк не мясо? – решила вклиниться в разговор Жанна. Привычная рефлексия сменилась желанием слегка потроллить кого-нибудь. Негодование родни больше не смущало, а скорее попускало, возвращая утраченные силы.

Недоуменно посмотрев на Жанну, бабка решила разбавить тишину:

- А Прокопенко на своём дачном участке дуб посадил.
- И что? – спросил дед.
- Как что?! Из дубов вообще-то гробы делают. Их нельзя сажать – примета плохая!
- А чем это грозит? – спросила тётка. Она, как и бабка, была жутко суеверной.
- Когда дерево подрастёт, человек может умереть.
- Ну, дерево долго растёт, рано или поздно все мы умрём, – логично заметил дед.
- Всё равно, как бы не случилось что...

Съев очередную порцию салатика, сильно сдобренного майонезом, тётка решила перехватить инициативу на себя:

- Хочу произнести тост. Чтобы чаще собираться вместе! Ура!

Все чокнулись. Жанна решила налечь на алкоголь покрепче. Переносить это сборище в трезвом состоянии – настоящая пытка.

Глава 4

Сильвиус ходил по дому кругами, пытаясь прийти в себя после долгого оцепенения.

Что это вообще было? Почему довелось очнуться именно сейчас? Значит ли это что-то? Что происходит в мире? Сильно ли изменились люди? Что нового открыла наука? Надо бы выйти и осмотреться.

Вышел. Всё действительно изменилось. Всего километр от убежища – и начинаются высокие дома. Мир теперь совсем-совсем другой. Люди какие-то дёрганые.

И перекопали всё. Дом Демьяна снесли, где он сейчас и жив ли он вообще – непонятно. Его перстень наверняка в руках у профанов.

«Эх, если бы знал – убил бы этого Демьяна сам! Или хотя бы не доверял ему ничего ответственного. Где теперь искать это кольцо?»

Заговорить с кем-нибудь, что ли? Вдруг скажут что-нибудь полезное? Только вот непонятно, чего от них ожидать. С той девушкой как-то само получилось. Такая же не вписавшаяся в систему, как и я при жизни? Потенциальная союзница? Доверять кому попало не стоит. Но и одиночество надоело. Если уж довериться кому-то, то только ей: всё равно она уже и так знает про меня. Ну и, конечно, расспросить обо всем, научиться скрываться в обновлённом мире. И спланировать, что делать дальше. Остаётся ждать до завтра».

Яркие вывески магазинов. Вместо лошадей – самодвижущиеся механизмы. Надо бы узнать, как они устроены. Уже пятый человек, разговаривающий сам с собой. Или нет? У всех этих сумасшедших рядом с ухом что-то есть. Видимо, ещё одна прогрессивная деталь. Прислушаться к разговорам? Часть слов непонятна, но смысл улавливаю. Работа, личная жизнь, покупки, отдых с пьянством...

«Да, люди сейчас другие... Но как были ничтожествами, так и остались», - думал Сильвиус, возвращаясь в своё убежище.

***

Всю ночь Жанну мучала бессонница. Сознание снова и снова возвращало её в комнату заброшки с ожившим мертвецом. Больше всего на свете хотелось оказаться там снова. Будто наваждение какое-то. Но встать и пойти туда среди ночи – это уже слишком.

Хотелось поделиться с кем-нибудь увиденным, да не с кем – не поймут. Если даже и поверят, что всё это – не галлюцинация, то легче от этого точно не станет. Будут держать взаперти, пытаться развлечь телевизором и унылыми разговорами, и это в лучшем случае. А в худшем – припрутся в особняк всей толпой, чему Сильвиус точно не будет рад.

Пыталась читать, но и книга, казалось, говорила о том, что хотелось забыть хотя бы на время. Отбросив книгу в сторону, Жанна взяла какую-то беллетристику с бабушкиной полки, но читать эту бессодержательную чушь было до невозможности скучно, и она оставила чтение, отдавшись не покидающим её мыслям и образам.

Глава 5

На следующий день, лишь встав с постели, Жанна поспешила в заброшку. На этот раз снег был более-менее расчищен, и попасть в дом можно было без сложных акробатических трюков. Сильвиус сидел за столом и что-то писал. Жанна молча села рядом: ей не хотелось отвлекать его от занятия. Отложив перьевую ручку в сторону, Сильвиус загадочно улыбнулся и сказал:

– Пришла всё-таки? А я думал – испугаешься и не придёшь больше.

– Ты на меня как-то воздействуешь? – спросила Жанна.

– Надо же, догадалась. И всё равно пришла.

– Единственный способ отделаться от искушения – поддаться ему.

– Верно. И что же тебя искушает?

Сильвиус снова испытующе посмотрел на Жанну. Этот взгляд выносил ей мозг. Хотелось провалиться сквозь землю, исчезнуть, умереть – что угодно, но только не говорить. Поняв, что путей к отступлению всё равно нет, Жанна ответила:

– Для начала хотелось бы узнать кое-что о тебе. Как ты стал таким, каким стал?

– Тебе с самого рождения рассказывать?

– Да, мне всё интересно.

Жанна села в свободное кресло и приготовилась слушать.

– Родился я в первой половине XIX века в семье священника. Меня считали ребёнком со странностями. Я категорически отказывался верить в их бога и всё удивлялся, откуда у них эта тяга к этому распятому проходимцу. Я заинтересовался наукой и, ещё будучи мальчишкой, пытался поставить некое подобие опытов.

При первой же возможности я ушёл из дома. Или, скорее, меня прогнали, дав немного денег на первое время. Пришлось жить в избе у лесника, помогать ему, чтобы не выгнал. Подрабатывал лекарем. Из-за своих нестандартных методов лечения прослыл колдуном, что было недалеко от истины. Мои первые изобретения быстро нашли применение, поэтому у меня появилась возможность дальше заниматься наукой.

Эликсир жизни, философский камень... этими фантастическими замыслами бредили многие вольнодумцы. Но никто из них не достиг успеха, и потому всё это кажется невероятным. А я кое-чего достиг. Но я не за славой гнался, а за познанием. К тому же, некоторые мои опыты были бесчеловечными: ради них приходилось убивать. А значит, вместо награды меня могло ждать наказание.

Ещё при жизни я научился многим вещам, которые, не знаю как сейчас, но в то время считались сверхъестественными: месмеризм, создание талисманов, наведение порчи.

Сильвиусу надоело сидеть. Он встал со стула, подошёл к окну, обошёл комнату и продолжил свой рассказ:

– Это все помогало в быту. У меня к тому времени было достаточно денег, меня любили женщины, хотя ни к тому, ни к другому я не прикладывал никаких усилий. Но хотелось иного. Познать тайну смерти. Общаться с умершими. Я начал интересоваться спиритизмом ещё до того, как это стало модным. Смерть влекла. Мне было недостаточно глупых церковных сказок о рае и аде. Пару раз я даже хотел ускорить свой уход в мир иной, приняв яд, но оказалось – не судьба. То ли яд был слишком слабый, то ли мой организм слишком крепкий. Тогда я решил создать особый яд, способный поднимать мёртвых.

– Что-то вроде порошка вуду? Колдуны на Гаити, насколько я знаю, делали что-то подобное.

– Не знаю, что там делали гаитянские колдуны, я до этого дошёл сам. Подмешивал в водку крестьянам из ближайших поместий, они оживали, но контакта с ними не получалось. Знакомые мне медиумы оказались обыкновенными шарлатанами. Я всё пробовал. Уходил в транс, ел мухоморы, учился управлять своим астральным телом, но получалось всё не то. Ко мне являлись образы мёртвых людей, но это было лишь моё представление о них, и узнать от них ничего принципиально нового не удалось.

– Сны тоже можно исследовать. Сейчас этим психоаналитики любят заниматься.

– Во сне, конечно, тоже интересно попутешествовать, но не следует путать свой внутренний мир с миром внешним. Они пересекаются, но не тождественны. Делать выводы о других по своему сну - всё равно, что иметь претензии к соседу за то, что он во сне украл у тебя корову.

– Со снами понятно. А как же спиритизм? Он не работает?

– Душа отдельно от тела может существовать лишь непродолжительное время. Если тело не поддерживать в работоспособном состоянии, оно уже не сможет ожить. Всяческие призраки и полтергейсты – это не духи умерших людей. Это могут быть существа иной природы, разгадать которую я пока не смог.

– Так как же у тебя получалось оживлять мертвецов? – спросила Жанна, подойдя к Сильвиусу, рассматривающему что-то за окном.

– В общем, после данного мной яда мужик вскоре умирал, затем пытался вылезти из могилы. Я проводил много времени на кладбище и ждал нужного момента. Да, мужик вылезал (это происходило на 7 - 9 день после его смерти), тупо бродил по кладбищу и к утру ложился обратно в могилу. На следующую ночь картина повторялась. Но где-то через месяц энергия иссякала, и оживший труп ничем не отличался от обычного.

Я пробовал давать разные дозы яда, но результат был одинаков. Разве что совсем малые дозы не убивали, хотя и меняли облик жертвы. Эти люди вскоре сходили с ума и погибали по другим причинам: кто от самоубийства, кто от несчастного случая, спровоцированного неосторожностью.

– И никто не принимал меры?

– Принимали... Окропляли святой водой, читали молитвы, да какая от всего этого польза? А образованные люди таким вещам не склонны верить. Да и кому охота сторожить каждого убитого холопа? Тем более что они никому особо не мешали, разве что напугают какую-нибудь случайно проходящую мимо бабку.

– А как тебя не поймали?

– Магия, – усмехнулся Сильвиус. – Отвести глаза – это даже проще, чем приготовить очередную порцию яда. Не веришь? Посмотри туда!

Жанна обернулась. Повернув голову обратно, она обнаружила, что Сильвиус исчез. Она начала осматривать и ощупывать всю комнату, пока её не похлопали по плечу. Сильвиус оказался прямо за её спиной.

– Возможно ли находиться в таком состоянии длительное время?

– Нет, конечно. Могут и случайно обнаружить. Но скрываться долго и не требуется. Есть и другие способы пудрить людям мозги. Можно притвориться таким наивным ангелочком, который и мухи не обидит. Можно скрыть следы преступления. А если и это не удалось, то можно потерять бумаги по своему делу, даже просто подкупить стражей закона.

– Ну это всё понятно. Я не могу представить, как ты сам стал... мёртвым?

– На основе всё того же яда. Как я уже говорил, мне был нужен медиум, мёртво-живой переводчик. И, наполовину умерев, я сам стал таким. Меня долго и болезненно ломало, несколько дней пришлось практически неподвижно лежать в постели, а слуг у меня не было. Сиделку звать было ещё большим безумием: я мог бредить, а она – разболтать всё, что слышала. Да и слишком много у меня в доме подозрительных предметов, которые следует прятать от посторонних глаз. Людям не следует доверять.

В общем, на некоторое время я отключился, уйдя в небытие, затем начал буквально собирать себя по частям. Только не физически, а ментально. Я забыл значения всех слов. Казалось бы, у меня всегда была хорошая память; я на тот момент знал пять языков, всегда владел собой, даже будучи сильно пьяным. А тут взял и забыл всё, даже своё имя. Просто смотрел вокруг, ничего не понимая. Потом, вглядываясь в предметы, начал вспоминать их названия, и по цепочке ассоциаций всё восстановилось. Имя так и не вспомнилось, пришлось придумывать новое. Но я не жалею, что сделал это. Произошёл значительный рывок в разгадке многих тайн. Но тело у меня не то, что раньше. Мне теперь не нужно ни есть, ни ходить в туалет. Дышать приходится, но не так, как людям. Только нервная система функционирует практически так же, как и раньше. Ну и органы

чувств, позволяющие хоть как-то воспринимать происходящее вокруг. Организм фактически становится механизмом для передвижения мозга. Но есть и преимущество: я никогда не состарюсь окончательно.

– А умереть?

– Я уже мёртв! Хотя забыл сказать. Перед подготовкой к смерти я сделал амулет. Да, это тот самый зелёный камень, который я ношу на шее. Благодаря ему я и поддерживаю себя в полуживом состоянии до сих пор, в отличие от остальных, кто пробовал яд. Но все талисманы надо периодически подзаряжать. Со временем сила теряется.

Сильвиус вдруг замолчал. Жанна долго раздумывала над услышанным, не понимая, стоит ли во всё это верить. Наконец, она решила спросить:

– Как и почему ты оказался там, где я тебя нашла?

– Времена менялись, люди умнели. Я казался себе какой-то ошибкой природы. Прятаться становилось сложнее. Да и надоела эта суета. У меня и при жизни были суицидальные мысли, а каково живому мертвецу, который чужд всех человеческих удовольствий?

Я бы мог разбить камень и таким образом покончить с собой раз и навсегда. Но рубить сплеча, отказываясь от всех своих исследований, я тоже был не готов. Поэтому я решил подождать до лучших времён. Был у меня ученик по имени Демьян, который должен был меня разбудить лет через десять, когда прошла бы гражданская война и положение в стране кое-как наладилось. Ему я доверил перстень с редким и необычным кристаллом, аккумулирующим жизненную силу, способный ускорять процесс залечивания ран. Так случилось, что оно было ему необходимо. Но в условленное время Демьян не пришёл. Я не знаю, что с ним стало. Может, он и жив, но маловероятно. Но без кольца я уже не такой, каким был раньше.

– Зря 40-е годы проспал. Тебя бы в нацистскую Германию, там столько доступного человеческого материала для опытов. Они бы от такого талантливого учёного не отказались бы. Да и внешность вроде арийская, это для них важно.

– Кто знал, что придётся упустить...

– А пробовал ли ты прорицать будущее?

– В этом нет смысла. Либо видеть готовое решение и знать все наперёд, либо плести будущее своими руками, ловя любую возможность для достижения желаемого.

– Вспомнила стишок в тему:

Я знаю точно наперёд:

Сегодня кто-нибудь умрёт.

Я знаю где, когда и как.

Я не гадалка, я – маньяк.

– Ха-ха, ну можно сказать и так.

– Так что же дала эта полусмерть в плане магии?

- Я теперь могу говорить на языке мёртвых. Они мне могут отвечать. Ими можно управлять, отдавая приказы.
- Почему они слушаются?
- Они дезориентированы. У них нет выбора, а тут им дают готовую инструкцию. Большинство людей и при жизни этим страдают.
- А что за фолианты у тебя тут хранятся? – спросила Жанна, указав на шкаф с книгами.
- Мои собственные исследования, труды алхимиков прошлого, научные трактаты по медицине, химии, физике, религиозная и философская литература.
- Интересуют твои. Ведь копий наверняка нигде нет. Для сохранности их бы оцифровать.
- Что это значит? Новая магия?
- Не совсем. Сейчас этой «магией» владеет каждый первый (кроме, разве что, старух в маразме). Да и тебе ничего не мешает её освоить. Это как книги, только компактные и с удобным поиском нужного материала. Я в следующий раз принесу тебе одно интересное устройство, сам увидишь.
- Приноси.

Глава 6

На протяжении недолгих студенческих каникул Жанна каждый день брала собой нетбук с USB-модемом и уходила к Сильвиусу. На вопросы бабки отвечала, что-то вроде «Иду на конференцию по изучению аномальных форм танатоса». Или: «Иду проводить IT-семинар по основам операционной системы Windows 7, а также по обучению навыкам поиска информации в сети Internet». Или: «Тут наметился квест по поиску артефакта, способного адсорбировать энергию манипуры, полученную с помощью сакральных ритуальных действий, и излучать эту энергию при необходимости». Бабка подвисала, пытаясь хоть отдалённо понять сказанное, а потом и бросила попытки достучаться.

«Главное, чтобы не связывалась с дурной компанией и вовремя возвращалась к ужину», – решила она.

Пропадать надолго Жанна и не собиралась. Несмотря на жуткую атмосферу, Жанне нравился особняк, но всё же находиться в нём постоянно было невозможно, особенно зимой.

- Прогуляемся? – вдруг без предисловий спросил Сильвиус, как только увидел Жанну.
- А ты не боишься солнца?
- Забудь эти сказки. Солнечный свет – это чистая энергия. Немного агрессивная, но не настолько, чтобы сжигать дотла. Я предпочитаю ночь, но на то другие причины. Ночью тише, чем днём. И меньше людей.
- Я тоже людей ненавижу. Причём всех, от младенцев до стариков.
- Я раньше тоже думал, что люди достойны разве что презрения. Вот только без них, к сожалению, никуда. Люди – это и ресурс, и объект для исследования, и среда для появления и развития тех особей, кто способен преодолеть человеческое.

– Если бы они только не пытались давить на корню любое осознание...

– Давят. Приходится показываться им на глаза лишь в случае крайней необходимости. Ну и, конечно, скрывать свои намерения и знания. Они могут простить юродивого за глупость, но слишком умных не терпят.

Вышли на улицу. Вовсю шпарит солнце, предвосхищая весну, до которой ещё нескоро. Снова этот привычный мир, больной и безумный.

Чтобы Сильвиус не выглядел слишком подозрительно в своей старинной одежде, Жанна купила ему куртку и штаны в местном военторге.

Проходя мимо места, где раньше стояла изба Демьяна, Сильвиус снова напомнил Жанне об утерянном кольце.

– На этом месте стоит 13-й дом, улица Ленина. Когда он мог быть построен?

– Местные жители вряд ли в курсе этого. На новостройку не похоже. Разве что в интернете поискать.

Тут и пригодился нетбук. Сильвиус его довольно быстро освоил. Хоть и думает над отдельными простейшими действиями слишком долго, но это вопрос практики.

– Сколько информации можно уместить в небольшой коробке... Кто изобрёл эту штуку?

– Её прообраз был создан в XIX веке в Англии. Изобретатель - Чарльз Бэббидж. Не слышал о таком?

– Что-то знакомое. Мог даже видеть его лично. Мне доводилось путешествовать по всей Европе. Хотя и избегал светских посиделок, но действительно умные люди – те существа, на которых моя ненависть не распространяется. И всё же как-то даже не думалось, что когда-то появится подобная альтернатива книгам.

– Конечно же, это изобретение совершенствовалось со временем, сначала на таких устройствах можно было только считать, а ещё они занимали много места и стоили дорого. В общем, что нам ещё нужно посмотреть?

Как выяснилось, застройка района проводилась в 30-е годы. А разрушить всё могли и того раньше. Всё, что находилось на его месте, особой ценности не имело, а потому было разрушено.

Найденные вещи, имеющие культурную ценность, могли поместить в местный краеведческий музей. Какой-нибудь хитрый строитель или археолог мог и себе прикарманить кольцо, но это маловероятно.

«Искать, так искать», – решила Жанна. – «Всё равно в этом городе всё, что хотела, уже осмотрела, а дома и в Москве можно насидеться».

Поехали в центр города, где находился музей. Чего там только не было: одежда и украшения прошлых веков, старинные монеты, оружие, предметы быта, письма. Но того самого кольца не было.

Мимо проходила экскурсионная группа. Экскурсовод увлечённо рассказывал о каждом портрете, о каждой детали, которая, казалось, лежала, просто чтобы место занять. Внимательно слушали только две женщины лет 50, остальные же разбрелись по всему залу. Кто фотографировал экспозицию, кто обсуждал понравившиеся предметы, кто смеялся, комментировал и передразнивал экскурсовода.

И тут галдящие туристы вдруг замолкли. Очевидно, экскурсовод говорил что-то интересное. Сильвиус с Жанной тоже прислушались. Оказалось, шла речь о письме то ли белого, то ли красного бойца к своему боевому товарищу. За стеклом лежали десятки подобных писем, но только одно произвело такую реакцию. То и дело сыпались словечки «мистика», «богатая фантазия», «вера в потустороннее», «никто не знает, что это было» и недовольный комментарий одной из туристок: «фу, мерзость какая». Когда толпа отошла, его, наконец, можно было прочесть:

«Нашли на кладбище мужика. Думали, что поп, да и выглядит похоже: нестриженный и в рясе. И бубнит что-то на непонятном языке. А я сколько лет в церковь хожу и сколько раз на похоронах был, подобного не слышал. Наши попы такой ереси не несут. Подошли ближе, а он на нас так угрожающе окрысился, помешали, видите ли. Начали спрашивать, кто таков. Молчит. Мы стрелять, а ему хоть бы что. Подошли с разных сторон, повязали. С большим трудом удалось с ним сладить, и откуда у этого задохлика столько силы оказалось? Ведём своим показать. А он снова чуть не вырвался. Наконец, привели, а он от ран скончался, так и не узнали ничего.»

А ещё Пашка у него кольцо с чёрным камнем на руке заметил, но когда осматривали, не было никакого кольца. И проглотить он его не мог. Когда он сдох, наш штаб-лекарь даже вскрытие провёл, а там все внутренние органы усохли так, что непонятно, как он мог жить до этого момента.»

Было ясно, что от музея получили всё, что могли. Пора было возвращаться.

– Молодец, Демьян, пал как герой, я был о тебе худшего мнения, – вздохнул Сильвиус.

Где находилось то самое кладбище, Сильвиус знал. Туда редко кто наведывался. Большая часть могил была равномерно засыпана снегом, из-под которого кое-где виднелись засохшие стебли бурьяна. Лишь около десятка относительно новых могил были расчищенными и ухоженными.

Ночами, когда ни на кладбище, ни на его окрестностях не оставалось ни души, Сильвиус обходил каждую дорогу, каждый клочок земли, где могло затеряться кольцо. Копать нужды не было. Было бы оно где-то рядом, любой экстрасенс почувствовал бы что-то необычное. Но кольца нигде не было. Видимо, кто-то его уже нашёл.

Глава 7

Днём Сильвиус по-прежнему встречался с Жанной, сидел вместе с ней на том самом кладбище и говорил о магии, философии и прочих высоких материях.

– Зачем под кладбища отводят такие большие территории? Не проще ли трупы сжигать? Или использовать как-то во благо живущих? – спросила Жанна.

– Люди иррациональны. Они надеются на посмертие, не предпринимая никаких шагов для его достижения. Максимум, на что они способны, – это ходить по воскресениям в церковь, отстаивать положенное время и уходить домой с чувством выполненного долга. Ну ещё свечки жгут, будто от

них кому-то есть польза. Верят на слово попам, даже не пытаюсь заглянуть за грань самостоятельно.

– А что там, за гранью, может увидеть человек? Не продвинутый маг, а обычный человек со средними способностями. Рай? Ад? Реинкарнация?

– Бессмертие души? Перерождение? Чушь!

Информация не существует без носителя. Реинкарнация происходит лишь в той мере, в какой передаётся информация. Вечно живые – только те, кто оставил след в истории. Почему в дурдомах и объявляются всё новые Наполеоны, Клеопатры, даже Джоны Ди.

Причём в одной палате может лежать несколько Наполеонов, и это нормально. А много ли людей считают себя крестьянами из какого-нибудь Мухосранска?

– Но это уже нельзя назвать полноценной реинкарнацией.

– Да, это просто ловушка для эго. Людям приятно считать, что после их смерти их бытие не прекращается. Большинство устраивает их продолжение в детях, а кто-то не мыслит себя без оставленного культурного наследия. Наука и искусство – это ведь тоже социальные надстройки. Отождествлять себя со своим наследием – это так же глупо, как и верить в бога. Страшно принять на себя ответственность, оказаться один на один с бездной, которая на самом деле повсюду... просто люди приучили себя не замечать её.

– Если всё так плохо и жизнь бессмысленна, то зачем жить, страдать, стремиться к чему-то?

– А незачем. Нет ни прошлого, ни будущего. Нет даже эго как такового. Сознание появляется и затухает, нам только кажется, будто оно непрерывно. Вспомни себя в детстве или даже лет пять назад. Это совершенно другая личность. С частично унаследованной, частично утерянной памятью.

– Почему же ты тогда всё ещё существуешь?

– А потому, что нет разницы, жить или умирать.

Каркнул ворон, сидевший на могильной ограде. Потом наступило затишье. Жанна продолжила:

– Но ты стремишься продолжать жить, стремишься найти свой артефакт. Иначе бы просто уничтожил кристалл, что висит у тебя на шее.

Оцепенев на пару секунд и потеревив цепочку с кристаллом, Сильвиус ответил:

– Виноват всё тот же дурацкий инстинкт, который движет всеми живыми существами. Я, казалось бы, далеко ушёл от человеческого, но всё равно несовершенен. Иногда хочется остаться в этом мире назло самодовольным людишкам. Умерев окончательно, я многим облегчу жизнь. А то получается, как в сказках: «добро победит зло, поставит на колени и зверски убьёт».

– Никогда не любила дочитывать подобные сказки до конца. Даже если злодей сам был не прочь отмучаться и уйти. Зачем вообще начинать эту историю, если её конец неотличим от начала? Мир снова становится правильным и размеренным. И в этой идиллии есть какое-то уродство. А в мире и так мало красоты. Почему никто этого не замечает?

– Ты считаешь зло красивым?

– Не всегда. И не каждое. Но я убеждена, что эстетика должна быть превыше этики. И потому я предпочту красивое зло невзрачному добру. А вообще, кому как тебе не знать, что любая оценка субъективна.

– Почему ты мне помогаешь?

– Не знаю. Вообще-то не в моих принципах делать что-то ради других. Но сейчас я иначе не могу. Тянет к тебе – и всё тут. Мозгом я понимаю, что когда-нибудь ты меня убьёшь, но почему-то это не беспокоит, а наоборот, воодушевляет. К сожалению, завтра мне пора уезжать. Каникулы заканчиваются, я не могу жить здесь постоянно, да и учиться надо. Но я надеюсь, что не последний раз видимся.

Сильвиус понимал, что рано или поздно с Жанной придётся расстаться. Но почему так быстро? Она многое ему объяснила о современном мире, но сколько всего ещё предстоит узнать? Он тоже рассказал ей много интересного, но ведь недосказанного гораздо больше! А она так внимательно слушала, смотрела на него влюблёнными глазами, терпела его шуточки (она называла их тонким троллингом), помогала в поисках...

Когда Жанна уехала в Москву, взяв с собой несколько уникальных книг и пару сотен страниц рукописей для изучения и оцифровки, Сильвиус по ночам неустанно продолжал поиски кольца, а днём сидел в читальном зале местной библиотеки, изучая современные достижения науки.

По возвращении домой Жанна начала осознавать, как сильно она изменилась за столь короткое время. Поездки в ночном поезде дальнего следования, жизнь вдали от родительского и преподавательского контроля... Романтика, в общем. Не то, что сейчас, когда эту новую жизнь приходится прятать ото всех в тайных уголках памяти.

Когда-то этот дом казался родным. Убежище от агрессивной социальной среды, центр на карте сновидений, уютный уголок, в который возвращаешься, куда бы ни занесла жизнь. Но лишь теперь Жанна поняла, что привычная квартира всегда была клеткой. Разноцветной плюшевой клеткой на жёстком железном каркасе. Гибкие прутья семейного гнёздышка – колючая проволока на высоком заборе обыденности, надёжно защищающем от магических вторжений.

Смутные раздражители обрели резкость: постоянно включённый телевизор мешал собрать мысли – понятно, почему его так любят те, кто не хочет думать. Родители регулярно придирались по поводу и без повода. Информация, получаемая в институте, показалась скучной и бессмысленной, ведь задания даются по давно устаревшей методике, и всё это вряд ли пригодится в жизни, даже если пойти работать по специальности. Жанна с нетерпением ждала лета. А пока весна не кончилась, приходилось жить по строгому распорядку, одобренному обществом. Даже тему для диплома нельзя выбрать самостоятельно – всё должен решать научный руководитель.

Жанне хотелось бросить всё и уехать, и она бы уехала в любой день, будь ей дарован знак, что пора. Но знаков не было.

Глава 8

Николаю снова снилось детство. Да-да, тяжёлое детство, деревянные игрушки, прибитые к полу. Но для Николая детство, несмотря ни на что, было самым светлым и радостным периодом в жизни.

Вот Коле 9 лет, середина лета, и он играет во дворе. Друзей позвали по домам, а он остался. Мама куда-то уехала и вернётся ещё не скоро. Надоело сидеть на одной и той же площадке, решил пройтись через пару улиц. Тогда пара улиц казалась огромным расстоянием, а Коля казался себе отважным путешественником.

Завернул в какой-то пустырь. А там такие необычные цветы: высокие, с фиолетовыми соцветиями; раньше он и не видел подобных. Ещё дальше было кладбище, но туда он не пошёл. На один из необычных фиолетовых цветков села бабочка. Тоже красивая, большая. Коля решил подкрасться и поймать её, но споткнулся о камень и упал.

Смотрит – блестит что-то. Прямо в земле. Лопатки с собой не было, вместо неё нашёл булыжник с острым краем. Копают, копают, а это кольцо! Прекрасное кольцо с крупным чёрным блестящим камнем! И даже к Колиным маленьким пальцам в пору пришлось.

Возвращается домой, дарит кольцо маме, но она отказывается. Говорит, что слишком броское. Хорошие люди такое не носят. И Коля оставил его себе, спрятал прямо в игрушках.

И с тех пор детство будто кончилось. Как обычно, хулиганили с пацанами перед уроком. Мылили доску, чтобы скрипела противно, подкладывали кнопки математичке на стул. А математичка такая вредная! Двойку за контрольную вlepила, а у Пети почему-то тройка, хотя решали с ним сообща. Звенит звонок, садятся по местам, входит училка. Оказывается, и без хулиганских проделок она была не в настроении. А как села, уколола жопу, так разоралась на всех! И что-то про большое сердце, и про гипертонию говорила. А как со злости начала мелом по доске карябать, что у всего класса уши заложило, так и сползла на пол, хватаясь за сердце. Оказалось, что инфаркт. Больше её не видели.

Потом папа отругал Колю за то, что он матными словами ругался. На следующий день папу избili и обокрали бандиты. Месяц пролежал в больнице, теперь инвалид.

В старших классах Коля начал замечать, что у Светки выросла грудь. Светка ему нравилась, но он не знал, как к ней подойти. Коля был раздолбаем, а Светка – отличница и вообще показательно-правильная девочка. Коля думал, что она за давние приколы над ней будет его ненавидеть, а Светка оказалась без обид, даже на свидание согласилась прийти. Казалось бы, вот оно, счастье. Коля подарил ей шоколадку, позвал к себе домой и предложил ей по-взрослому развлечься. А она почему-то обиделась и ушла, сказав что-то вроде «вам, мужикам только одно и надо». А на следующий день Коля узнал, что её изнасиловали и убили у соседнего подъезда.

После школы вроде дела наладились. Лихие 90-е, друг предложил организовать бизнес, Николай почти никак в это дело не вкладывался, но дело имело успех, и он быстро обогатился. А потом с этим другом по пьяни что-то не поделили, и, когда Николай проспался, он нашёл друга убитым. Николаю никогда даже в голову не приходило кого-то убивать, но в квартире не было никого, кроме них двоих. На Николая неожиданно что-то снизошло, и он просто вынес труп в непрозрачном мешке и закопал на пустыре, где нашёл то самое кольцо.

После того случая Николай уверовал в бога и начал регулярно ходить в церковь. На нужды церкви отдавал значительные суммы, и, несмотря на это, деньги всё равно оставались.

Сейчас Николаю 33 года, но выглядит он значительно моложе. Начинается кризис среднего возраста, и эта ностальгия о потерянном рае не даёт покоя. В итоге Николай, спустя несколько лет, решил раскаться в содеянном. Он боялся, что иначе тяжёлые сны так и будут мучать.

Глава 9

На следующий же день после исповеди за Николаем пришли. Он начал сбивчиво оправдываться, рвать на себе одежду, молиться и шептать, что всё случилось не нарочно, и вообще, может, это ему приснилось. Пустырь тот перерыли, но не нашли ничего подозрительного. Уходя, участковый лишь посоветовал Николаю провериться у психиатра. Николай, наивная душа, решил так и сделать. Исповедь не сняла тяжкий груз вины. Врачей Николай недолюбливал, но с проблемой надо было что-то делать.

«Наконец-то меня хоть кто-то выслушает», – думал Николай, докладывая о своих душевных муках добродушной женщине. Он поведал обо всех событиях детства и юности, рассказал о своих ночных кошмарах.

– Мягкие стены, человек-скелет в чёрном, гроб, кресты, снова мягкие стены, я гнию заживо...

Психиатр послушала его и сделала вывод, что неплохо было бы подлечиться. В тот же день Николая госпитализировали, не разрешив даже заехать домой за необходимыми вещами.

В палате вместе с Николаем лежало пять человек. Был и кто-то шестой, но его уже выписывали, и Николай не успел с ним познакомиться.

Самый активный из обитателей и психом-то не был, а просто от армии косил. Звали его Кирилл. Как и Николай, он занимался каким-то мелким бизнесом, не принёсшим, однако, ему большого дохода. Впрочем, Кирилл был моложе, а значит у него ещё всё впереди. В больнице он оказался всего на несколько дней раньше, чем Николай, однако уже успел завоевать уважение как врачей, так и пациентов.

Другого обитателя, тоже вполне адекватного и общительного, звали Виктор. Он был хроническим алкоголиком. В психушку попал, допившись до белой горячки, в результате которой ему начало казаться, что по нему ползают муравьи. В остальном никаких странностей за ним не наблюдалось, разве что появилась некоторая подавленность и заторможенность – обычная реакция на таблетки, которые здесь давали всем без исключения.

Третьего звали Иван. С ним Николай быстро нашёл общий язык, говоря на высокие темы. Но всё же адекватности Ивану явно не хватало. В периоды обострения он страдал энурезом. Его это смущало, отчего неадекватность Ивана только возрастала: он начинал повсюду видеть бесовские козни, лихорадочно осенять всех вокруг крестными знаменами и иногда даже бился головой об пол.

Четвёртый, Владимир, в противоположность Ивану, был убеждённым атеистом. И также имел кое-какие странности. Почему-то больше всего на свете ненавидел штаны и трусы, считая, что именно они провоцируют грех онанизма. Несмотря на свой атеизм, Владимир всё же допускал понятие греха, хоть и несколько своеобразное. К примеру, он считал, что люди не должны ничего друг от друга скрывать. За излишнюю откровенность Владимира неоднократно били, однако на жизнь он не жаловался.

Пятого звали Денис. Это был самый тихий и незаметный из психов. Страдал паранойей. Николай пытался с ним заговорить на отвлечённые темы, но вечно Денис скатывался в свой бред о каких-то жидорептилоидах. Это был единственный из пациентов, доверяющий врачам. Таблетки он принимал охотно, а психбольницу считал чем-то вроде политического убежища.

Время внутри больницы текло совсем не так, как за её стенами. Каждый новый день был похож на предыдущий. Казалось, что все обитатели дурдома застряли во временной петле. Лечение Николаю не помогало, он хотел выписаться обратно, но, как оказалось, попасть в психбольницу было проще, чем уйти оттуда. Скуку развеивали лишь словоохотливые товарищи по несчастью и дешёвые сигареты, бывшие чем-то вроде местной валюты. Николай бросал курить ещё лет десять назад, но в этой безнадёжной атмосфере привычка вернулась к нему. Она позволила ему влиться в коллектив, в котором курили абсолютно все, да и просто помогала в моменты неприятного ожидания, которые повторялись здесь с регулярной частотой.

Глава 10

Поскольку поиски перстня оказались безуспешны, Сильвиус решил делать новый талисман с нуля. Подходящий камень найти не составило труда: с прошлых времён у него была целая коллекция подобных драгоценных заготовок. Но чтобы «зарядить» эту заготовку, нужна сила. Много силы. А где её взять, как не с агонии умирающих?

Сильвиус переделался в своё старое одеяние: оно привычнее и удобнее, не отвлекают чужеродные энергии, да и кровью не жалко запачкать. Достал ритуальный жезл, нож и чашу, и, дождавшись ночи, отправился на охоту.

Первой жертвой был опустившийся алкаш, собиравший пивные банки. Вокруг никого не было. Энергии с таких немного, но для начала – в самый раз. Точный удар ножом – и хлынула кровь, обогрившая камень на дне специально подставленной чаши.

Привычное заклинание хорошо поставленным голосом. Сигилла, начерченная на снегу окровавленным концом жезла.

Теперь остальную кровь можно просто вылить на снег. Красное с белым – какое красивое сочетание!

Следующая жертва – девушка. И ведь не боится одна по ночным улицам разгуливать! Ярко накрашенная. Возможно, лёгкого поведения или просто ищущая приключений на свою пятую точку. Убита по первому сценарию.

Третья жертва – таксист.

– Вас подвезти? – спросил мужик с характерным кавказским акцентом, высунув голову из окна старенькой иномарки.

Хватка за горло – и из машины. Всё по старой схеме.

Ни капли сострадания. Это просто люди. Их много, и они взаимозаменяемы.

– Ваши документы, гражданин? – услышал неожиданно Сильвиус, и, обернувшись, увидел полицейского.

– Что вам от меня нужно?

– Паспорт у Вас с собой?

– Нет.

– Тогда пройдемте.

Ловкий удар в челюсть. Затем – ножом по горлу, и снова всё те же ритуальные действия. Не пропадать же добру. Отбросив всё, кроме главной цели, растворившись в азарте от лёгких и таких приятных убийств, Сильвиус не рассчитал, что полицейские в одиночку не ходят. Не успел он дочитать заклинание, как заломили руки за спину, надели наручники и повели в отделение полиции. Все принадлежности сложили в герметичные пакеты и тоже взяли с собой. Несколько раз Сильвиус пробовал вырваться, стоило только отвернуться наблюдателям, но попытки оказались безуспешны.

Конечно же, вина была более чем очевидна, но Сильвиуса начали допрашивать, что и зачем он делал.

– Зачем ты убил участкового? – спросил один из людей в форме. Как выяснилось, это был следователь.

Сильвиус молчал, погружённый в себя.

– Да ты не бойся! – заговорил человек, до этого молчавший. – Признаешься во всём, будешь помогать следствию – и срок сделают совсем небольшой.

Сильвиус продолжал молчать. Ритуалы – вещь серьёзная и требующая полной самоотдачи, а тут в самом разгаре действия застали врасплох.

– Сектант? – спросил один из находившихся в кабинете полицейских, рассматривая вещи, найденные на месте преступления.

– Хрен знает, – ответил второй.

– Я никого не убивал, – уверенно сказал Сильвиус, глядя в глаза следователю. Следователь выглядел растерянным. Полицейские недоумённо посмотрели на него.

– А что ты на это скажешь? – достав окровавленный нож, спросил Сильвиуса один из полицейских.

– Вы всё равно ничего не поймёте, – сказал Сильвиус, семиэтажно матерясь про себя.

Попал, так попал. Скрыться уже невозможно, убить полицейских – тоже. Гипнотические приёмы помогли бы справиться с одним, но служителей закона слишком много. Судьба жестоко карает за непредусмотрительность. Стоит переоценить свои силы, как случится что-то непредвиденное, причём настолько банальное и закономерное, что становится досадно. Прожить столько лет, перечитать столько книг, но так ничему и не научиться, проиграв каким-то людишкам.

Полицейские пили чай и слушали какую-то популярную радиостанцию, мимоходом травя старые анекдоты. Дело не казалось им необычным: с виновностью всё понятно, взяли по горячим следам. Нужно составлять протокол, а для этого нужны личные данные подозреваемого. Но сколько ни спрашивали о фамилии, годе рождения, месте прописки и прочей важной информации, внятных правдивых ответов так и не добились. Поняв, что по-хорошему ничего не добьются, полицейские решили применить грубую силу, но и она не помогла. Лицо Сильвиуса было настолько безучастно ко всему происходящему, что полицейским быстро надоело.

– Он, похоже, невменяемый. Хватит с ним возиться, пусть медэксперты занимаются, – решили между собой полицейские.

Глава 11

Ожидание. Никогда раньше оно не было таким мучительным. Сильвиус не знал, сколько времени прошло. В камере, где он сидел, не было окон, поэтому нельзя было определить даже время суток. Вместе с ним в камере сидел какой-то мужик. То и дело он пытался от скуки заговорить с Сильвиусом, которому пришлось отмахиваться от мужика, как от назойливого насекомого. Впрочем, одной гневной реплики оказалось достаточно, чтоб мужик забился в угол и больше не раздражал своим присутствием.

Снова куда-то повели. Посадили в машину и повезли в неизвестном направлении.

«Сказать всё как есть? А то ведь не отстанут. Разбить амулет и сдохнуть, как Демьян? А если будет шанс бежать? Кто знает, какие у них порядки?»

Погружённый в свои мысли, Сильвиус безвольно следовал за двумя амбалами, не видя и не слыша ничего вокруг, пока его не окликнула толстая женщина в белом халате. Задала несколько вопросов сначала ему, потом амбалам. Через несколько минут подошли новые сопровождающие, а амбалы оставили женщине какие-то документы и уехали.

Отвели в комнату, где сразу же раздели и обыскали. Ни уговоры, ни угрозы не помогли. Несмотря на протесты и активное сопротивление, с шеи сняли амулет. Вместо мантии выдали белую одежду, и после недолгого ожидания отвели в другую комнату.

– Пьёте? Наркотики употребляете? – спросил мужчина неестественно-сюсюкающим голосом.

– Нет.

– Сколько Вам лет?

– Не помню.

– Не помните год рождения?

– 1829.

– О, как интересно, – ответил мужчина, потирая руки и тихо посмеиваясь. – Хорошо сохранились. В Бога верите?

– Нет.

– Зачем полицейского убили?

– Надо.

– Голоса в голове мучают?

– Нет.

– А паранауками интересуетесь?

– Да.

– Какого учения придерживаетесь?

- Своего.
- И что же в его основе?
- Смерть.
- А расскажите поподробнее, нам очень интересно.
- Вы меня пытаете собирать?
- Нет-нет-нет, что вы! Ну не хотите сейчас, расскажете потом.
- У кого мои вещи?
- Вещи в надёжном месте. Когда выпишетесь, вам их вернут.
- Где конкретно?
- Вы же не собираетесь ими пользоваться прямо сейчас.
- Где? – уверенно смотря врачу в глаза, Сильвиус повысил голос ровно настолько, чтобы он звучал ещё убедительнее, но не казался криком отчаяния.
- Успокойтесь и оставьте свои приёмчики. Здесь их знают не хуже Вас.

Дальше пытались выпытать место жительства и имена родственников или друзей, но и на этот вопрос Сильвиус наотрез отказался отвечать.

Глава 12

После этого долгого и бесполезного допроса Сильвиуса отвели в комнату, где находились шестеро таких же несчастных, как и он. Только одежда была у всех клетчатая. Как выяснилось впоследствии, белая одежда помогает персоналу отличить буйных и подозрительных пациентов.

Трое сразу же пошли знакомиться. Одного звали Николай, другого – Кирилл, третьего – Виктор. Никто из них не был похож на психически больного.

На кроватях сидели ещё трое. Они были полностью погружены в себя и, казалось, не обращали никакого внимания на происходящее.

Сильвиус неохотно представился. Общаться ни с кем не хотелось, но надо было предпринимать хоть какие-то шаги для того, чтобы поскорее выбраться отсюда. Все наперебой начали его расспрашивать.

- Охренеть, это настоящее имя? – спросил Кирилл.
- А что в этом мире настоящее?
- Ты реально ненормальный. А почему ты такой бледный?
- Я мёртвый.
- Шутишь?
- Я серьёзно. Температура тела комнатная. Врачи сами в шоке.

– И как тебя угораздило стать таким? – подключился к диалогу Виктор.

– Всё вам расскажи, а вы потом врачам перескажете, – ушёл от ответа Сильвиус.

– А как тебя сюда занесло? – спросил Николай.

– Ритуально убил нескольких человек. Полиция решила, что я невменяемый.

Все, кроме Николая, скептически нахмурились:

«Понятно, что косит от тюрьмы, прикидываясь психом. Ещё маньяка тут не хватало».

– Магией занимаешься? – спросил Николай.

– Ну да.

– Чувак, да ты лич! – воскликнул Николай. – Так в ролёвках называется злодей, который слишком долго заморачивался на теме мёртвых и сам ставший мёртвым.

– Не встречал такого слова раньше, но возможно.

– А ты хранишь свои органы в специальной коробочке?

– Зачем?

– Ну, чтобы не гнили, наверное. Или не органы, а душу.

– Души нет. Есть только разум. Но что-то вроде той коробочки есть. Когда меня осматривали, у меня отняли амулет. Можно ли мне его вернуть?

– Попробуй. Тут почти у всех личные вещи отняли, но если попросить, то могут вернуть, – сказал Кирилл. – Кроме колюще-режущих, конечно.

Один из сидящих тоже решил встать. Вместо штанов на бёдрах у него была намотана простыня.

– А это кто?

– Володя. Шизофреник, – уточнил Кирилл шёпотом. – То ли от математики свихнулся, то ли от спермотоксикоза. Считает, что нужно быть всегда сексуально доступным. Для его воспалённых мозгов это означает везде и всегда ходить голым. Если ходить голым ну никак нельзя, то его устраивает юбка вместо брюк. А тут юбок не выдают, вот и обмотался, чем придётся.

– О, мою теорию рассказываешь, – радостно сказал Владимир. – А ещё я искренне убеждён, что всегда нужно говорить только правду. И ни от кого ничего не скрывать.

– Даже паспортные данные? – подключился Виктор.

– А вдруг кому-то интересно взглянуть на мой паспорт, не отказывать же человеку в любопытстве!

– Ну и сиди тут, доказывай врачам свою правду.

Тут за спиной раздались сумасшедшие вопли:

– Господи помилуй! Господи спаси!

– Кто это? – спросил Сильвиус.

– Иван... Креститель. Крестится постоянно, чуть что пригложится. А как медсестра вколет ему какую-то дрянь, становится совершенно другим.

– Изыди, бес окаянный! – заорал Иван.

Владимир начал убеждать Ивана, что нехорошо гнать или оскорблять человека, каким бы он ни был. Иван, в свою очередь, размахивал руками и всячески оскорблял Владимира. Со стороны это смотрелось смешно. И даже неважно было, кто из них напрашивался в друзья, а кто – во враги, выглядели оба одинаково мерзко.

Дальше было унылое однообразие. Выдавать амулет наотрез отказались, мотивируя это тем, что цепочкой можно удавиться. Соседи по палате безнадёжны. Всех заставляют пить какие-то таблетки, и Сильвиус не исключение. Только что ему с них будет? Бесконечные осмотры, недоумение врачей, пытающихся сломить его волю. Они начали догадываться, что наткнулись на редкое и неизученное явление, способное полностью разрушить современные теории об устройстве жизни. Если бы врачи действительно были заинтересованы в качестве своей работы, они отправили бы Сильвиуса в какой-нибудь узкоспециализированный НИИ, где счастливые исследователи заработали бы Нобелевскую премию за победу над смертью. Но они боятся. Боятся всего, что связано с нарушением привычного распорядка, с риском для своей шкуры, с необходимостью думать нестандартно.

Кроме врачей и медсестёр, в палату иногда заходили и обитатели соседних комнат, они смотрели на Сильвиуса, как на неведомую зверушку, перекидывались с кем-нибудь парой слов и уходили. Один из таких вечно скучающих как-то спросил Сильвиуса:

– Ты тут не из-за политики случайно?

– Нет. А почему ты так решил?

– Есть в тебе что-то люциферическое, бунтарское, – ответил ему парень.

Разговорились. Парень оказался начинающим эзотериком. Имени своего не сказал, назвавшись просто Шаманом. Дал почитать книгу какого-то Кастанеды. Он искренне удивился, услышав, что Сильвиус о таком никогда раньше не слышал. Почитал, показалось интересным. После прочтения (а в больницах книги читаются практически на одном дыхании) Сильвиус сказал начинающему шаману:

– Индейский Нагваль – это, в принципе, то же самое, что и славянская Навь. А именно – бессознательная, непроявленная, непознаваемая часть бытия. Различия лишь в том, что персонификация Нагваля – животное-двойник мага, а персонификация Нави – мертвец. Впрочем, различия только кажущиеся: чтобы стать сильным магом, необходимо подружиться со смертью, что, кстати, тот же Кастанеда и не отрицает.

Было видно, что тема смерти интересовала парня. Он ловил каждое сказанное слово и в итоге посоветовал Сильвиусу написать какую-нибудь мозговносыющую книгу. О своих рукописях Сильвиус решил рассказать ему позже, всё-таки слишком много посторонних ушей вокруг. Продолжить разговор, к сожалению, так и не случилось.

Сильвиус тоже хотел пройтись, посмотреть другие палаты, но ему сказали, что нельзя. Пару раз незаметно ускользал от внимания санитаров и убедился, что везде всё одинаково, только в некоторых палатах больше народу. Но оказался он там не зря. Подслушал чьи-то сплетни о том, каким образом пациентам удавалось сбежать из этой больницы. Случаи были, и неоднократно. Обычно сбежавших ловят, а охрану после этого усиливают, но бдительности охранников хватает ненадолго. Побег отсюда возможен, надо только договориться, чтобы кто-то отвлек охрану и дежурных санитаров.

Глава 13

Николай ворочался в постели.

«Снова мучают кошмары. Таблетки не помогают. Как же надоело тут лежать. Шаги. Какого чёрта тут носит? А, ну конечно, маньяк этот!»

– Эй, некромант! Что ты тут делаешь? Не спишься?

– Смотрю на Луну. Кажется, она что-то хочет мне сообщить. Знать бы, что именно. Может, и зря я не умею гадать по звёздам?

– Хочу рассказать кое-что. Врачи думают, что это бред, но ты должен меня понять.

– Я слушаю, – сухо сказал Сильвиус, удивляясь вдруг проснувшейся откровенности Николая: «Какие у него могут быть проблемы? Здоровый, жизнерадостный придурок, каких много. Одно непонятно: что он делает в психушке?»

– В детстве я как-то гулял на незнакомом дворе и нашёл кольцо, – начал рассказывать Николай, – необычное такое, с большим чёрным камнем.

При упоминании кольца глаза Сильвиуса загорелись.

– Хотел подарить маме, но она отказалась носить. Говорит: «оставь у себя пока». Ну, я и оставил. Но с тех пор со мной происходит какая-то мистика. Пожелаю в сердцах кому-нибудь зла, а он уже на следующий день умирает. Хорошее тоже исполняется, но как-то не так, как я действительно хотел. Как в фильме «Ослеплённый желаниями». Я молить бога стал, жития святых читать, не знал, что с этим кошмаром делать. Сколько ни молюсь, а мысли несправедные всё равно прорываются иногда. Я сам себя бояться начал. Иногда память отказывает, из-за чего попадаю в дурацкие истории. Люди решили, что я с головой не в ладах. Почему я здесь и сижу.

– Я понял, в чём твоя проблема, – решительно заговорил Сильвиус. – Я планировал бежать. Хочешь, побежим вместе? Я готов тебе помочь при условии, что отдашь это кольцо мне. Оно не принадлежит тебе, отсюда все твои трудности. Я даже готов возместить деньгами. Идёт?

– А если нас поймают?

– Боишься? Ну и сиди тут до самой смерти. А кольцо тебе явно ни к чему, не дорос до того, чтобы им пользоваться, и вряд ли дорастёшь в будущем. Только окончательно с ума сойдёшь, и никакие медикаменты тут не помогут.

– Ладно, уговорил. Когда бежать?

– Завтра ночью. Готовься. И снотворное не жри, а клади мне в карман, когда мимо тебя пройду.

Всего несколько минут назад Николай бы многое отдал, чтобы оказаться не в этой грязной больнице, а дома, где никто не заставляет жить по режиму, где вкусно кормят и не заставляют регулярно драить полы. Теперь же он понял, что больница стала для него вторым домом, пусть не самым комфортным, но зато надёжным и предсказуемым.

«Дома-то оно, может, и лучше, но стоит ли игра свеч? А вдруг этот маньяк меня просто убить хочет, вот и предложил смотаться туда, где никто не защитит? Надо бы посоветоваться с той молодой медсестрой, что разносит таблетки. Она, как и я, верующая, а значит, плохого не посоветует», – думал Николай.

После утреннего обхода Сильвиус заметил, что персонал стал особенно бдительным. Николай кому-то проболтался?

Сам Николай, как ни в чём ни бывало, играл во что-то на мобильнике. Сильвиус подошёл к нему и шепнул:

– План Б. Бежим не сегодня, а дня через три. Ну сам подумай: решётка на окнах толстая, пилить придётся долго.

Разумеется, план побега был другой. Но если с этим болтливым идиотом нельзя по-нормальному договориться, придётся вести двойную игру. Если сказано, что бежать будем сегодня либо послезавтра, то, конечно же, побежим завтра. И не через окно.

На следующий день Сильвиус подговорил Кирилла стянуть у одной из санитарок трёхгранный ключ. Сильвиуса никуда дальше палаты не пускали, поэтому украсть ключ самому было проблематично. Кирилл же свободно выходил на улицу и даже бегал к ближайшему киоску за сигаретами.

Вечером, когда дежурная санитарка пошла в очередной раз успокаивать Крестителя, у которого, видимо, началось весеннее обострение, Сильвиус подлил санитарке в чай немного воды, где растворил тройную дозу снотворного. Когда все заснули, он незаметно проник в камеру хранения и забрал свои вещи. Амулет придал измотанному телу немного сил. Сильвиус вернулся в свою палату. Разбудил Николая. Зловещим голосом сказал ему сейчас же собираться, обещав прибить на месте, если тот издаст лишний звук или будет сопротивляться.

– Может, я подремлю ещё немного, а побежим под утро? Все равно никакой транспорт уже не ходит, а идти пешком холодно.

– Идём сейчас же. Я бы уже десять раз успел сбежать, если бы тебя не надо было дожидаться.

На выходе сидел полусонный санитар. Внушение «Ты спишь и видишь сон» помогло пройти незамеченными. Немного пройти влево – и виден «медвежий угол», наиболее безопасное место в заборе.

Сильвиус перемахнул через забор без труда. Для Николая пришлось долго объяснять, куда ставить ногу; в итоге плюнуть, перелезть обратно, посадить наверх и скомандовать, чтобы тот смело прыгал в сугроб.

Возню услышал охранник. Сказал что-то в рацию, и охранников с собаками сбежалась целая толпа. Сильвиус схватил Николая за руку и побежал прочь от психушки, практически волоча этого недоумка за собой. Николай возмущался и предлагал перейти на шаг. Лишь когда догонявшая их

собака чуть не куснула его за ногу, порвав ему штанину, он припустился в полную силу. Беглецы оторвались от погони, но это был ещё не конец.

Николай запыхался от быстрого бега. Сильвиус оставил бы его одного, да как бы снова тот не наделал глупостей.

Поймали попутку, за небольшую плату довёзшую их до станции. На станции уже стояла электричка, двери которой закрылись почти перед самым носом. Ничего не оставалось, кроме как зацепиться между вагонами. В таком неустойчивом положении, обдуваемые холодным ветром, сбежавшие ехали до ближайшей станции. Когда поезд остановился, они перешли в вагон и проехали там ещё несколько остановок, пока не оказались на окраине города.

Куда дальше? Сразу домой к Николаю было нельзя – большинство беглецов сразу же попадало из родного дома обратно в больничную палату. Любое общественное место так же могло оказаться засадой: о побеге наверняка сообщили везде, где только возможно. Оставалось разве что затаиться в том самом заброшенном доме, где Сильвиус пролежал 95 лет. Дом стоял фактически на костях, производя на большинство людей крайне тяжёлое впечатление, поэтому люди по возможности обходили его стороной.

Николаю было неуютно в прохладном сыром помещении. Батарейка на телефоне села, а зарядить нигде. Даже читать нечего: газет и журналов нет, а все книги – сплошная ересь. Поговорить с Сильвиусом не было возможности, он был занят чтением каких-то заклинаний и на его вопросы не реагировал.

Николай посмотрел несколько книг наугад – и ужаснулся: «Это слишком далеко зашло, и если я здесь останусь – до добра это не доведёт... надо бежать отсюда». Недолго думая, он спросил:

– Можно я выйду ненадолго? Мне по нужде надо.

– Ладно, иди, – и продолжил дальше начитывать что-то на непонятном языке.

Вместо туалета Николай поспешил к выходу. И, выбежав из ненавистного помещения, тут же дал дёру.

Тем временем вся полиция была буквально поставлена на уши. Из психиатрической больницы сбежало двое психов, один из которых крайне опасен. С помощью собак нашли, куда они направлялись. Но зайти на территорию Сильвиуса никто не мог физически – магическая защита была мастерской. Делать нечего: дом плотно окружили, чтобы из него никто не пытался сбежать. Была дана инструкция: стрелять, если кто-нибудь попытается прорваться через оцепление.

И тут – бегущий человек. Со всех сторон посыпались выстрелы. Полицейские целились по рукам и ногам, чтобы остановить, но не убивать Николая; одна из пуль угодила в живот. Обезумев от страха, Николай пробежал ещё немного, пока боль его не подкосила.

Тело Николая повезли в реанимацию. Откачать его не удалось. Нашли его родственников, которые долго оплакивали Николая. Затем его отпели по всем православным канонам и похоронили на ближайшем кладбище.

Глава 14

Младший лейтенант Наталья сидела на своём рабочем месте. Она пыталась расследовать дело о сбежавшем из психбольницы опасном преступнике. Обычно подобные дела закрываются в два счёта. Охрана у метро, охрана у дома сбежавшего... Если своих рядовых не хватит, можно и военных напрячь. Тут, казалось бы, всё на месте: беглецов выследили, убежище нашли, но вот пойти и взять преступника «тёпленьким» почему-то никто не в состоянии.

Раньше всяких сектантов, убийц и прочих психов доводилось видеть, но таких! Уже половина всего третьего отделения нервы лечит, скоро в ту же дурку сляжет. Кто работать будет? Ну ничего, собрать волю в кулак, закрыть дело – и можно ждать повышения по службе.

Антон слился уже. После того, как принял вещдоки, начал жаловаться на какую-то мистику. Спотыкается на ровном месте, теряет важные документы, работать с ним невозможно. А раньше нормальный мужик был!

После него взялся Санёк, так того скорая увезла. Что именно с ним случилось, никто не понял, а давать более-менее внятные комментарии произошедшему Санёк отказывается.

В отделении участились перебои с электричеством; то и дело глючат рабочие компьютеры. Ломается всё, что может сломаться, теряется всё, что может потеряться... Даже псы скулят и хвосты поджимают, когда даёшь им след. Все, кого ни спросишь, стали жутко суеверными, к месту и не к месту поминают бога.

«Может, я что-то не понимаю? – думала Наталья. – Поговорить с бабушкой, что ли?»

Протоиерей Серафим, отпев Николая, сидел на скамейке около церкви. Сколько раз он общался с живым Николаем, сколько тот жертвовал на храм, а тут лежит неподвижно. И предчувствие нехорошее, будто всё не по-настоящему. Идёт девушка в форме. Неужели исповедаться хочет? Или поговорить просто?

– Дочь моя, церковь закрывается.

– Извините. Я завтра приду.

– Душу облегчить хочешь?

– Да. В последнее время у меня на работе чертовщина какая-то происходит. Я не могу назвать себя религиозной, но не исключаю, что что-то в этом есть.

– В двух словах. Мне домой надо.

– Недавно у нас объявился маньяк. Слышали, может? Называл себя некромантом, говорил, что он в XIX веке родился. Естественно, такому только в дурке место. Но он ещё и хитрым оказался. Не прошло и недели, как сбежал, и до сих пор где-то на воле бегают.

– Слышал, слышал. А с ним ещё другой душевнобольной сбежал, только не выжил он. Отпевали его сегодня. Жаль... Хороший человек был.

– Так Вы его знаете? Расскажите о нём всё, что знаете. Это может помочь следствию. Может, хоть что-нибудь прояснится.

– Николай раньше регулярно ко мне приходил. Исповедовался, о каком-то кольце бредил. Тяжёлая у него жизнь была. Но ни про каких некромантов ничего не говорил. Может, в больнице и познакомился с ним? Вот только зачем с нехорошими людьми дружбу водить?

– Думаете, не мог? Может, это был заложник?

– Я не готов рассуждать о мотивах душевнобольных, но всячески готов способствовать следствию. Он как-то каялся, что друга убил; будто бес попутал... Труп вроде бы так и не нашли, зато поняли, что у парня с головой не в порядке, и отправили лечиться. Хотя по-хорошему надо было бы изгнать беса.

– А может ли бес сидеть в предметах? В ножах, например? Или сектантских ритуальных предметах?

– Приноси, я посмотрю.

На следующий день Наталья снова пришла к церкви, принесла в пакете изъятые у Сильвиуса вещи. Коллеги всё равно зареклись не прикасаться к ним.

Протоиерей прочитал над ними молитву и велел унести подальше от греха. Затем вместе с Натальей пошёл в психушку, где раньше лежал Николай. В вещах Николая ничего интересного не нашли. Если и было что-то, то он бы это забрал перед побегом. Из личного дела пациента узнали, что ему настойчиво предлагали бежать, и он об этом сообщил медсестре. В сговоре с Сильвиусом он состоять не мог, поскольку боялся его. Но мог быть запуган. Кольцо, как выяснилось, хранится у Николая дома.

Мать Николая не ожидала встретить на пороге протоиерея Серафима. Приняв ещё раз его соболезнования, она безо всяких возражений отдала кольцо ему. В кольце явственно чувствовалась бесовская сила. Она пугала и в то же время искушала. Серафим даже почувствовал себя хоббитом из книги Толкиена, прочитанной в молодости.

В тот же день Серафим провёл обряд очищения по всем правилам, вложив в него всю свою душу. Работа, казавшаяся раньше привычной и несложной, страшно вымотала его, и, закончив обряд, Серафим облегчённо вздохнул и со спокойной совестью отправился домой.

Наутро протоиерей встал и собрался на очередную службу. Состояние было, как с тяжёлого похмелья, было сложно даже говорить. Но, выпив на голодный желудок граммов 200 водки, он снова почувствовал себя полным сил. Еле отчитав службу, Серафим заметил, как испуганно на него косится молодой диакон.

– Ваше Высокопреподобие, зачем так кадилом махать?

– А я как махал?! – удивлённо спросил Серафим.

– В разные стороны, над головой, чуть все старушки со страху не разбежались. И голос у вас какой-то нечеловеческий стал...

– Что пристал, нормальный у меня голос, никогда никто не жаловался!

При выходе из церкви к протоиерею подошёл глухонемой, постоянный посетитель этого храма, и жестами начал просить благословения.

– Пошёл с дороги, тварь! – неожиданно для себя крикнул протоиерей.

Посетитель испуганно попятился, и Серафим, желая придать ему ускорение, с размаху заехал ему в челюсть. Если бы это было без свидетелей, Серафим бы и не вспомнил об инциденте, ибо всякое случается. Но прихожан было много, и они не могли не заметить эту неприятную сцену.

– Вы что делаете? – испуганно завизжала толстая женщина, держащая за руку ребёнка лет пяти.

– Нервы никуда не годятся, прости Господи, – ответил Серафим и перекрестился. Женщина поспешно повела ребёнка за ворота. Похоже, что и она ждала благословения, но поняв, что святой отец не в настроении, передумала.

По возвращении домой Серафим начал замечать, что его разум становится охваченным бесовскими мыслями и чувствами. Нет, конечно, с ним и раньше всякое было. Доводилось торговать наркотиками, участвовать в махинациях с недвижимостью, ну и множество мелких грешков тоже имелось, куда без них. Доводилось развлекаться и с мальчиками из церковного хора, и с молодыми прихожанками, и даже с одним иеромонахом, весьма опытным в этом деле. Но одно дело, когда все свои. Сор из избы выносить не принято, а потому такие дела и за грех-то не считаются.

Через пару дней, после вечерней службы к Серафиму снова подбежала Наталья. На этот раз вместо строгой полицейской формы на ней была кожаная куртка и неприлично короткая юбка. Сразу захотелось открыто наплевать на пост и воздержание и заняться чем-то более интересным. Наталья снова что-то говорила про расследование, но слова отошли на второй план. Улучив момент, Серафим увёл девушку за алтарь. Она, кажется, всё понимала и была заранее согласна.

– Мне всегда было интересно, что вы носите под рясой, – игриво сказала Наталья.

Серафим задрал рясу, расстегнул штаны и потряс своим мужским достоинством. Наталья подошла, потрогала. Серафим начал лапать её за соблазнительные формы. Ей нравилось. Сунул руку под юбку. Не снимая одежды, Серафим прямо сходу и вошёл в неё. Потеряв равновесие, Наталья схватилась за угол алтаря. Крест со звоном упал на каменный пол, и фигурка Иисуса отвалилась, но разгорячённый протоиерей даже внимание на это не обратил. В самый разгар действия зашёл диакон и чуть не уронил челюсть на пол, увидев неприкрытое богохульство. И ладно бы один диакон! Вместе с ним зашла съёмочная группа, пожелавшая в столь неподходящее время взять у него интервью! Обычное интервью для регионального телеканала: замолвить пару слов о Великом посте, высказать мнение о новом законе «Об оскорблении чувств верующих». Как он мог забыть, ведь ещё вчера утром он лично всё согласовал! А теперь это всё попадёт в интернет, опустив его репутацию ниже плинтуса.

Пока протоиерей оправдывался и умолял операторов не публиковать отснятый материал, Наталья стянула кольцо, которое Серафим оставил на алтаре, ибо надо было его куда-то деть, а на толстые пальцы оно не налезало.

Серафим пытался хоть как-то отвлечь внимание репортёров, сваливал всю вину на Наталью, но, сделав для порядка несколько кадров с ней, репортёры вновь обступили протоиерея. Наталья с большим трудом прорвалась к выходу, старательно обходя людей с камерами и безуспешно пытаясь закрыть от них лицо. Серафиму уйти не дали; постепенно он начал понимать всю чудовищность и безнадёжность ситуации. Но было уже поздно.

Назревал крупный скандал. Серафим оправдывался, как мог. Помимо осквернения алтаря припомнили и утреннюю проповедь. Епархиальный совет грозился извергнуть из сана. Серафим подал в суд на бессовестных репортёров, и лучше бы он этого не делал. Диакон предал его, отказавшись замалчивать очевидное. Вскрылись и махинации, и наркотики, и педофилия. Неизбежно грозила тюрьма, оставалось разве что напиться в хлам.

Глава 15

Сильвиус сразу понял, что Николай мёртв. На подобные дела у него развилось особое чутьё. Но печалил его не сам факт смерти; печалило то, что попытка достать перстень снова накрылась. Также было жаль оставленных в полиции ритуальных предметов: чаши, жезла и кинжала, а также оставленной в психушке мантии. Но если эти предметы можно было бы заменить новыми, то артефакта, аналогичного по силе утерянному перстню, не существовало в принципе. «Ничего, из-под земли достанем», – решил Сильвиус.

Полиция честно дежурила дни и ночи на своих местах в оцеплении. А тем временем Сильвиус успешно покидал дом через чёрный ход, ведущий к ближайшему лесу, возвращаясь таким же образом.

Простые смертные были просто не в состоянии найти это место. Даже следуя за ним по пятам, люди в какой-то момент теряли его из виду и сворачивали не на ту тропинку. Только один путь выводил на небольшую поляну. Метрах в десяти от этой поляны был спуск к роднику с чистой водой. Если бы его нашёл кто-нибудь из церковников, родник непременно объявили бы святым источником и построили бы часовню рядом с ним. Но, к счастью, место было надёжно защищено от посторонних глаз, а воду можно было по праву называть... к сожалению, в русском языке подходящего термина нет, однако в английском есть: *unholy water*.

В центре поляны стоял ясень. В него, очевидно, когда-то попадала молния, и ствол был надломлен. Часть ветвей была голый, другая часть давала молодые побеги, на которых проклёвывались ярко-зелёные листья. Раздвинув упавшие ветви, можно было заметить спуск под землю. Узкий сырой тоннель, по которому можно было передвигаться только ползком или сильно нагнувшись, вёл к особняку.

Теперь уже можно было не особо беспокоиться насчёт преследования. Маскировка значительно облегчала существование.

***

Оживление мертвецов можно проделывать разными способами. Главное – поддержка особого рода связи, возможность послать телепатический сигнал духу, который ещё не успел полностью раствориться в небытии. А остальное – вопрос мастерства. Личные вещи умершего облегчают эту настройку. Забытый Николаем мобильник был очень кстати. Сильвиус пришёл на кладбище, нашёл нужную могилу, отметил её символом вечной жизни. Плеснул что-то из склянки. Коснулся специальным жезлом сначала своей головы, затем могильной земли.

Сознание оставило Николая ещё во время попытки сбежать. На девятый день с момента смерти оно начало постепенно возвращаться.

«Кто я? Где я? Что произошло? Это что, сон? А как реалистично... Будто меня убили в бою... Как страшно... Или я во сне сейчас? Я же ничего не вижу! Да я же не дышу! Я умер? Точно, умер! Куда мне идти? Рай, ад? В рай, конечно! Наверх! О, я слышу голос Бога!»

– Вставай, вставай!

«Я готов служить тебе, Господь! В твоём воинстве! Я иду!»

Тело повиновалось. Руки послушно копали землю, пока не добрались до поверхности. Затем выглянула голова.

«Однако, здесь почти все как в той жизни... Где врата? Где апостолы?! Неужели я уже принят? Хм, а это здорово! Вот только почему моё брненное тело так медленно исчезает?»

Николай осмотрел своё тело, и тут его настигло озарение:

«Да я же сам Иисус Христос! Я же воскрес! У меня стигматы на руках и ногах! И ведь мне 33 года... всё сходится!».

– Да какой ты, к черту, Христос? – слышалось из-за надгробной плиты.

– А как же все эти знаки?

Сильвиус выругался и, приближаясь к могиле Николая, сказал:

– Тебя и смерть ничему не учит... Ладно, хрен с тобой. Думай что хочешь, но пока не скажешь, где кольцо, я от тебя не отстану.

Наскоро вытерев испачканное влажной землёй лицо, Николай пошёл домой. Сильвиус шёл следом за ним.

Родственники как раз поминали Николая. Увидев ожившего мертвеца, они хором завопили в ужасе. Он начал делиться с ними своими впечатлениями и мыслями, пока родственники, наконец, не решили, что кто-то точно сошёл с ума. Вызвали скорую.

Николай, как ни в чём ни бывало, продолжал увлечённо рассказывать о событиях последнего месяца. Мать Николая силилась понять, чему же стоит верить. Она видела сына собственными глазами, хотя всего несколько дней назад она лично наблюдала, как его холодное тело положили в гроб и закопали в землю. Все присутствующие родственники также могли это подтвердить. Как и батюшка, приходивший на прошлой неделе...

Сильвиус незаметно расположился у входа в квартиру, внимательно наблюдая за этой орущей и суетящейся толпой и ожидая, когда, наконец, Николай заткнётся и выполнит обещанное. Как только мать Николая обмолвилась, что протоиерею Серафиму было отдано то самое кольцо, Сильвиус понял, что ловить здесь больше нечего, и пошёл прочь.

***

Несмотря на отвращение ко всему, что связано с христианской религией, Сильвиус потащился в церковь. Там он с удивлением узнал, что протоиерей Серафим был замешан в крупном скандале, лишён сана и с тех пор больше в церкви не появлялся. Выспросив его домашний адрес, Сильвиус

направился к нему. Консьержка уже, видимо, привыкла к бесконечному наплыву посетителей, и потому без лишних вопросов пропустила его.

Сильвиус позвонил в дверь. Слышалась какая-то возня, но никто не открывал. Дверь оказалась незапертой. Пройдя в комнату, он обнаружил Серафима в компании двух проституток, устраивающих лесбийское шоу. Бывший поп спешно застёгивал штаны.

– Так, кольцо, кажется, не у тебя...

– Какое ещё кольцо? Ах, да, было что-то... – запинаящимся голосом бормотал Серафим.

– Зачем оно понадобилось?

– Я изгонял из него нечистую силу.

– Похоже, нечистая сила одержала верх...

– Послушайте, я не знаю, кто Вы... У меня тяжёлый жизненный период. Кризис веры. Да ещё и враги кругом. Отняли всё, что у меня было. Хотите меня окончательно доконать?

– Мне всё равно, чем ты занимаешься и какие у тебя проблемы. Мне нужно лишь кольцо.

– У меня его нет. Потерял.

– Что ж все его так теряют? Или ты бабе своей его отдал?

– Точно... Тогда оно и пропало. В общем, если оно тебе жизненно необходимо, иди в районное отделение полиции. Там работает одна очень горячая штучка. Скорее всего, она у меня и забрала его...

Поняв, что от Серафима больше ничего не добиться, Сильвиус ушёл от него, не прощаясь. Идти в полицию означало добровольно сдать обратно в дурдом. Патовая ситуация. Нужны обходные пути. А пока решение проблемы не придумано, оставалось ждать. Иногда бывает так, что разгадка приходит сама, когда её меньше всего ждёшь.

Глава 16

Наталье кольцо понравилось. Она сразу ощутила необычную силу от него. Карьера пошла в гору. Раскрыв несколько мелких дел, она пошла на повышение.

Но была и обратная сторона успеха. Иногда откуда-то лезли неконтролируемые эмоции.

Приходилось срывать агрессию на подчинённых, а потом сожалеть об этом, куря тонкие сигареты одну за другой и глуша по вечерам дорогой виски.

Раньше у Натальи был парень, с которым она любила проводить время. Из-за периодических ссор по пустякам они расходились, чтобы сойтись снова. Но когда характер Натальи окончательно испортился, и череда мелких ссор вызвала один большой скандал, парень порвал с ней навсегда. Были и подруги, но и они начали под любым предлогом откладывать встречи. Теперь, когда рабочий день подходил к концу, Наталья оставалась один на один со своим одиночеством. Ничего не оставалось, как ещё глубже зарыться в работу.

Подчинённые её боялись и называли стервой, но её это мало заботило. В конце концов, бояться – значит уважают. С того времени, когда Сильвиус сбежал, прошло достаточно много времени, и

дело уже не было крайне срочным, однако всё ещё представляло интерес. Для Натальи это было что-то вроде экстремального спорта: чем сложнее, тем интереснее. К счастью, даже из самых опасных переделок она выходила целой и невредимой.

В городе ходили слухи, что этот лич то и дело появляется в самых разных местах. Его замечали среди больших скоплений людей, но поймать никто не мог. На стадионе, в кинозале, на митинге, на рок-концертах – везде, где люди сливались в едином эмоциональном порыве, был странный человек, бесстрастно наблюдающий за всеми. К счастью, новых смертей не было. Единственной закономерностью всех рассказов очевидцев были жалобы на опустошённость и апатию. Наталья пыталась вывести из всех этих рассказов закономерность, понять мотивы действий преступника, предсказать, где он мог бы оказаться в следующий раз. Но ничего не удавалось.

Казалось бы, что сложного? Просто взять и залезть в особняк. Если враг на месте, то убить. Если нет, то спрятаться и убить, когда он вернётся. Но вечно что-то останавливало. Досадные мелочи: то телефон звонит, то шнурок на ботинке развязывается, то прикрывающий напарник уходит, не слушая ни уговоров, ни угроз. Дубовая дверь не взламывается, какие бы ухищрения ни придумывались. Окна тоже не поддавались, чем бы их ни пытались разбить. Ни камни, ни лом, ни стеклорез не давали нужного эффекта.

«Всё приходится делать самой», – недовольно проворчала Наталья.

Устав ждать инициативы от своих трусливых коллег, Наталья собственноручно облила злополучный особняк бензином и подожгла, успев отбежать на безопасное расстояние перед яркой и безумной вспышкой адского пламени. Пламя занялось не сразу, но всё же занялось. От некогда красивого здания остался лишь пепел и груда камней.

Радовался весь город. Лишь Жанне, находящейся за тысячу километров от него, впервые за долгое время начали сниться кошмары.

Глава 17

Кошмары были самыми разнообразными: то падение с высокой башни, то пожар, то наводнение, то жестокая битва... Самыми неприятными из них были сны, связанные с землёй, с грязью, с мелкими насекомыми. Против огня, воды или высоты Жанна, в принципе, ничего не имела. А сны с погонями и драками Жанне даже нравились своей динамикой и азартом, которого так не хватает в жизни.

Сильвиус ей снился и раньше. В моменты осознания себя во сне она специально искала встречи с ним, но, в лучшем случае, находила лишь его слабое подобие. Даже нельзя было с уверенностью сказать, что это именно он, а не просто образ из подсознания. Но в одной из утренних грёз Сильвиус показался ей с необычайной отчётливостью. Он просил открыть одну из его книг, найти там раздел об инвокации и выполнить всё в точности, как там указано. Жанна хотела было спросить, зачем это нужно, но образ растворился, и Жанна проснулась окончательно. Достала нужную книгу, мельком глянула, что такое инвокация и что нужно для её проведения. Она также поняла, что Сильвиус хочет, чтобы она призвала именно его самого – никаких демонов Сильвиус не упоминал, а вызывать неизвестно кого – глупо и бессмысленно. Через пару минут зазвенел сигнал будильника, Жанна оделась и неохотно пошла в институт.

После института Жанна заскочила в местный магазин эзотерических товаров за чёрными свечами и благовониями. До того момента Жанну мало интересовала ритуальная магия, но игнорировать

знак, посланный ей утром, она не могла. К счастью, квартира была в её распоряжении: тот самый день приходился на пятницу, и родители после работы планировали сразу же уехать на дачу.

К полуночи Жанна всё подготовила. Алтарём послужила тумбочка, с которой Жанна убрала все лишние предметы. Кубком – хрустальный бокал с коньяком, припрятанным для очередных праздников. Ножик у Жанны имелся, но для своего прямого назначения он был недостаточно острым, и потому вместо ножа пришлось достать бритвенное лезвие.

Небо заволочло тучами, не видно ни звёздочки. Лил дождь, издалека доносились раскаты грома, сверкали молнии. В общем, атмосфера – что надо.

Следуя инструкции из книги, Жанна начертила круг, ограничивающий пространство для ритуальных действий. Начала произносить заклинание; пару раз запнулась с непривычки, но не придавала этому значения. Голос, напряжённый и неуверенный в самом начале, стал зловещим и будто бы чужим. Жанна подумала, что если бы текст был на русском, такого ощущения не появилось бы. Привычность слов лишает их ореола мистики, пафос становится смешным.

Какую сигиллу ей рисовать, она не знала, и потому набросала по памяти портрет Сильвиуса (эх, жаль, что он никогда не давал себя сфотографировать). Порезала себе запястье. Не рассчитала с глубиной пореза, и кровь текла, не останавливаясь. Жанна заколебалась, стоит ли остановить кровь или сначала необходимо завершить ритуал. И выбрала ритуал, лишь наскоро обеззаразив порез алкоголем. И продолжила читать енохианские тексты, сжигая произнесённые слова в пламени свечи.

Нет, он не воплотился ни в очертаниях дыма, ни в галлюцинации, ни как-либо ещё. Но чужая воля будто бы присутствовала рядом. Так и не поняв, удался ли ритуал, Жанна потушила свечи и легла спать.

Во сне снова явился Сильвиус. Он сказал:

– Для первого раза сойдёт, только нужно больше сосредоточенности. Поток нестабильный... Пытаюсь войти, а он пропадает. Нужно повторить. Желательно завтра. У нас мало времени.

– Я готова, но у меня вообще-то рука ещё не зажила, – ответила Жанна.

– Знаешь, сколько раз я резался, когда учился?

– Ты не понял. Я готова. Только зачем всё это? Я хочу понять.

– Я ошибался, думая, что душа без тела существовать не может. Может. Я сгорел. Но не исчез.

– Где ты?

– Не знаю. Где-то вне пространства и времени. Когда-то мне доводилось пережить подобный опыт, но он быстро закончился, а сейчас – я просто не знаю, что дальше. Может, исчезну. А может, и вернусь. Надеюсь, мой амулет в порядке... Жаль книги, которые ты не успела увезти...

– Что даёт этот ритуал? Придаёт силы?

– Да. Если её окажется достаточно, я смогу воплотиться. Только боюсь, что твоей крови для этого не хватит. Нужны жертвы. Человеческие. Не трогай животных, пользы от них практически никакой. Только к этому нужно хорошо подготовиться, помедлишь – и жертвой становишься ты сама. Не

забывай замечать следы, не повторяй моих ошибок. А пока делай, что можешь. Думай обо мне настолько часто, насколько возможно.

Жанна повторила ритуал сразу же, утром, завесив шторы, чтобы свет не сбивал торжественный и мрачный настрой. Впечатления от ритуала были уже менее яркими, ничего сверхъестественного узреть не получилось, снова – лишь невнятное присутствие чего-то иного.

Сильвиус являлся и в следующих снах. Рассказывал о потустороннем мире, об управлении астральным телом. Иногда брал Жанну за руку и переносил в какие-то совершенно фантастические пространства, где всё иначе, где измерений больше трёх, где музыка имеет форму, а цвет – вибрации. Она не переставала удивляться этому и даже спросила:

– Зачем тебе физическое тело? Тебе здесь не нравится?

– Здесь нет ничего постоянного. Малейшее движение мысли меняет всё. Стоит на миг забыть – и сознание исчезает. Может, на время, а может, и навсегда. Долго ли ты можешь продержаться во сне при полном осознании?

– Если созерцать местность вокруг, то можно и долго. Но стоит задуматься...

– Вот, почти провалилась. Если бы я тебя не держал, ты бы исчезла. Знала бы ты местное население... Я и в физическом мире поражаюсь, до какой тупости могут дойти люди, а уж как здесь они отрываются... Вся грязь, все теньевые стороны человеческих душ, тьфу! Впрочем, за нечеловеческими духами понаблюдать интересно...

Глава 18

Санитары быстро опознали Николая. Новость о его смерти санитаров не смущала: вернулся домой, несёт какой-то бред – точно Николай. А менты и патологоанатомы что-то напутали. Успокоив родственников, что те просто переволновались, Николая увезли в ту самую психушку, где он лежал до побега.

«Вот что значит нарушение режима, – думали врачи, снисходительно выслушивая бред Николая. – То про какое-то кольцо всевластия говорил, а теперь Христом себя называет».

Соседей по палате после лича уже ничего не удивляло. Один лишь Владимир, несмотря на шизофрению, твёрдо придерживался атеистическо-материалистических взглядов и не верил тому, что нёс Николай.

От обычной пищи Николай отказывался. Но и без энергетической подпитки ему становилось всё хуже и хуже. Питаться на эфирном уровне, как Сильвиус, Николай не умел. Уровень не тот. Оставалось либо постепенно разлагаться заживо, либо жить за счёт других.

Николай пытался подавлять свою тёмную сторону, не замечать её, ведь негоже сыну Бога быть плохим! Но однажды ночью он обнаружил, что у него чешутся зубы. Сознание снова оставило его. Он и не заметил, как напал на Дениса, мирно дровичшего в туалете. Денис закричал. Тут же подбежали санитары и надели на Николая смирительную рубашку. Хотели перевести в отделение для буйных, но там все койки были заняты. Что-то много психов за последние две недели, особенно среди сотрудников третьего отделения полиции...

Простыни, которыми Николая привязывали к кровати, стабильно рвались. Не помогли даже лошадиные дозы клоназепама. Посоветовавшись, персонал психбольницы решил переселить Николая в старый киоск размером два на три метра, стоявший на территории больницы ещё с 90-х годов. Окно киоска было закрыто решёткой, через которую едва можно просунуть исхудавшую костлявую руку. С каждым днём Николаю становилось всё хуже, и всё чаще у него случались провалы в памяти. Большую часть времени он просто спал, почти не видя снов, а проснувшись, ловил мух, достававших своим вечным жужжанием, и с завистью смотрел на пациентов в клетчатых пижамах, нарезающих круги вдоль забора. На Николая редко кто обращал внимание. Он кричал, жаловался на своё никчёмное существование и бился головой об стену своей клетки, но на его крик реагировали только санитары, да и те вскоре перестали приходить, поняв, что Николаю уже ничего не поможет. Николай тоже понял это и потому оставил свои попытки привлечь к себе внимание. Он стал спать ещё больше, и вскоре грань между сном и бодрствованием стёрлась.

Глава 19

У Жанны совсем сорвало башню. Началась сессия. Раньше она всегда была прилежной студенткой, но теперь её не хватало даже на то, чтобы написать шпаргалки.

Тем не менее, экзамены она кое-как сдала и сразу же отпраздновала этот факт кровавым жертвоприношением.

Готовясь к первому убийству, Жанна волновалась, как никогда раньше. Но это были не муки совести, а лишь страх, подобный страху перед первым прыжком с парашютом. Жанна боялась что-нибудь перепутать или упустить момент, когда надо действовать. Но, к её удивлению, всё прошло достаточно гладко, будто её разумом и телом управлял кто-то другой.

В глухих зарослях лесов и лесопарков Москвы и Подмосковья с удивительной частотой начали появляться трупы. Все были растерзаны с невероятной жестокостью, как мыши, пойманные домашней кошкой, неожиданно очутившейся в дикой природе. Кузьминки, Лосиный Остров, Битцевский лес и Сокольники наводили ужас на местное население. Люди боялись уединяться на природе, перестали отпускать детей гулять. Резко сократилось поголовье любителей шашлыков.

Выследить маньяка не получалось. Убийства были спланированы аккуратно за пару часов перед дождём, смывающим отпечатки пальцев и размывающим следы.

А потом убийства прекратились.

Жанна решила, что с неё достаточно, и уехала к родственникам, где гостила зимой. Старики были рады, что Жанна их не забывает. Жанна даже больше не нарывалась на конфликты, решив, что вежливость – лучшее оружие и лучшая маскировка.

В первый же день Жанна направилась к руинам. Место было так же пустынно, как и раньше. Практически ничего не уцелело. Разгребая пепел, Жанна нашла тот самый зелёный амулет.

«Я здесь», – прозвучал знакомый голос у неё в голове. Это были не мысли, не воспоминания и не фантазии – говорила сущность, явно находящаяся где-то рядом.

На следующий день Жанна сложила в сумку все необходимые принадлежности и собралась в лес, выждать какого-нибудь одиноко гуляющего человека. На одной из улиц её окликнул какой-то парень:

– Девушка, а вашей маме зять не нужен?

«Очередной пикапер», – подумала Жанна, даже не взглянув в его сторону. Убивать прямо на такой людной улице – не вариант.

В лесополосе ей попалась одинокая бабка в широкополой соломенной шляпе, напоминающая гриб-переросток. Убийство прошло по старой схеме. Жанна не почувствовала ничего особенного, если не считать того, что амулет странно блеснул.

Дома Жанна подумала, что неплохо было бы найти подработку. Неизвестно, насколько долго придётся здесь зависать; денег с собой оставалось немного, а стипендия с этого полугодия ей не светила. Можно, конечно, занять у бабки, но возвращать-то все равно придётся. Жанна посмотрела вакансии в этом городе. По специальности ничего не предлагалось, оставалось разве что согласиться побыть курьером или расклейщиком объявлений.

Уже собираясь откликнуться на первую попавшуюся вакансию курьера, Жанна обратила внимание на объявление, явно выделяющееся среди серых предложений от бесчисленных ООО «Ромашка» и ЗАО «Вектор». Объявление гласило: «Требуется санитар/санитарка в психиатрическую лечебницу N, можно без опыта работы». Жанна понимала, что работа санитарки тяжёлая и крайне неприятная, но это объявление чем-то зацепило её, а к интуиции Жанна с некоторых пор стала прислушиваться особенно тщательно. Она обратилась к голосу в своей голове, но голос молчал.

Глава 20

Встречу назначили быстро, договорившись на следующее утро. С самого утра Жанну трясло почти так же, как перед первым убийством, и с приближением момента встречи тревога лишь нарастала.

На подходе к назначенному месту встречи Жанну ожидал строгий пропускной режим. На проходной её встретила странного вида немолодая женщина, чем-то напоминавшая бабку, убитую вчера. Вопросов задавали мало, скорей для порядка, чем пытаясь что-то выяснить; больше говорили о том, чем Жанне предстоит заниматься. Напоследок женщина предложила Жанне прийти на пару часов, и, если она справится, то её примут.

Как только собеседование закончилось, у Жанны словно гора с плеч свалилась, хотелось петь и смеяться. Выходя из автобуса, она нос к носу столкнулась с парнем, который не растерялся и тут же спросил её:

– Девушка, а мы с Вами не встречались?

Два пикапера подряд – это было слишком, но настроение располагало к общению, пусть парень и не был в её вкусе: короткая стрижка, футболка со зверями из какого-то новомодного мультфильма, да и сам парень лыбился, как эти звери... Впрочем, может, это тот же парень, который к ней вчера и подкатывал?

Заметив, что Жанна не отвечает, парень не терял попытки затеять разговор:

– Вы не подскажете, где тут институт заборостроения?

– А что, такие существуют? – спросила Жанна.

– Не знаю, пошли поищем! А то здесь такой мрачный район... Кстати, меня Виталий зовут...

– Мне некогда, я спешу, – ответила Жанна, отметив про себя, что Виталию повезло, что у неё в сумке на этот раз нет ничего колюще-режущего...

Зайдя домой за ножом, Жанна снова отправилась в лес, но на этот раз подходящих жертв не нашлось.

***

Жанну определили в мужское отделение. Надо было менять грязные простыни пациентов-«овощей», какая мерзость! Воняло от больных, воняло от самого помещения, и Жанна подумала, что идея устроиться именно сюда была не такой уж и удачной.

Почему-то вспомнилось, что Сильвиус сказал ей на одной из встреч: «Чтобы быть хорошим колдуном, нужно уметь трогать гадости и не морщиться. А также думать гадости и не тронуться». Было что-то ещё, так и не вспомнившееся дословно, что-то вроде «делать гадости и не париться»... После воспоминания стало немного легче. И наступило подозрительное затишье, даже радио замолчало...

Почти разобравшись с одной из палат, Жанна услышала странный шум с улицы. Подбежала к окну и увидела какое-то столпотворение около поваленного забора.

Неожиданно объявили тревогу: несколько психов умудрились сбежать прямо во время прогулки перед обедом. Жанна спустилась вниз. На выходе творился полный хаос. Два охранника матерились друг на друга, что не уследили. Главврач отчитывал молодую медсестру, а старшая санитарка – Жанну (а нечего было отвлекаться от работы).

«Так что же произошло, кто организовал массовый побег?» – было написано на лицах каждого обитателя, от главврача до неспособного ходить деда-маразматика.

Глава 21

Кирилл давно уже выписали с пометкой «не годен», однако ему неожиданно понадобилась справка от психиатра: он решил оформить себе фальшивую инвалидность. Когда он пришёл, нужный ему врач отошёл на обед. Чтобы не слоняться без дела, Кирилл решил заглянуть в палату, где недавно пролежал целый месяц. Перед выпиской он проник в аминазиновый кабинет и по приколу подменил трифтазин самодельными таблетками-плацебо, слепленными из пластилина и покрытыми лаком для ногтей, а вместо глицина подложил циклодол, стыренный неделей раньше. Было интересно посмотреть на реакцию пациентов...

В палате Иван и Владимир обсуждали, куда же мог подеваться Николай. Иван утверждал, что Николай вознёсся на небо, а Владимир справедливо возражал, что быть такого не может.

– Да во дворе он, в будке какой-то заперли.

Денис, скромно ютившийся в углу, ответил:

– И слава Богу, а то упырь какой-то стал, хотя до этого был добрейший человек. Ну хоть теперь можно вздохнуть свободно...

– Вздохнуть свободно? Здесь, в этой дыре? Да ты совсем плох, приятель... Ты уже сколько здесь сидишь? Наверное, уже забыл, как выглядит настоящая жизнь... – сказал Кирилл.

- Помню, что попал сюда после Нового года...
- В этом году?
- Не помню... Но Николая тогда ещё точно не было, и Владимира тоже, и вообще, было гораздо спокойнее...
- Ууу... Вовка, ты сколько тут сидишь? Год?
- Почти 10 месяцев... Хотя я ещё пять лет назад сюда ложился, считать ли тот раз?
- Я с вас фигею... Как можно жизнь просирать?! Так до самой смерти и будете здесь торчать?
- А куда деваться? – спросил Денис.
- Как куда? Бежать. Я не бежал только потому, что мне для справки надо было месяц отлежаться, а так бы в первый же день смотался. Охрана хреновая, даже Николай с этим... как-его-там... смог! А вам, наверное, просто слабо, вот и сидите тут безвылазно!
- Мне? Слабо? Да я! Да я вообще добровольно пришёл. И если мне понадобится, я тоже выйду в любой момент, просто не уверен, что пора...
- Вот что: спорим, что ты не выберешься отсюда.
- Выберусь!
- Срок – неделя. Если проиграешь – бросаешь курить. Как минимум на два месяца. Вовка проследит. Да, Вовка?
- Я-то прослежу. Но если вдруг получится? – спросил Владимир.
- Плачу 1000 рублей. Всё по-честному. Через неделю встретимся, мой телефон у вас есть. О, сколько я тут с вами заторчался, врач уже должен был вернуться...

Глава 22

Пытаться выписаться – совершенно бесперспективная идея. Врачи в последнее время стали обзлённые, прописывают всё больше таблеток, и всё без толку: только больше кошмарит с них.

«Раньше больница была единственным спасением от врагов, а теперь и тут небезопасно. Из-под крана несколько дней назад кровь текла... даже уборщица мыла пол кровью. Вчера подмигнул портрет... Всё тело чешется от проклятых жуков... Видимо, с Виктора переползли. Жить здесь невыносимо, остаётся бежать!» – думал Денис.

Сам собой в голове складывался план побега. Перед обедом, когда всех выгонят гулять, надо толкнуть хлипкий забор, огораживающий участок для прогулок. Одному силы не хватит, но двоём-вчетвером попробовать можно. Будку все видели: стоит недалеко от большого бетонного забора с колючей проволокой. Надо перевернуть будку, таким образом прикатив вплотную к забору, и прямо по ней можно будет вылезти на свободу. С охраной сложнее. И страшно как-то бежать в неизвестность... Но психушка и вправду надоела... тем более, что Кирилл денег обещал. С одеждой проблемы... но делать нечего... тапки могут слететь при беге... значит, ноги нужно обмотать полотенцами...

Так и сделали. Строгое наблюдение за пациентами надоело даже старой санитарке, страдавшей синдромом вахтёра, поэтому подготовились без проблем. Все, кто лежал в той самой палате, тоже захотели бежать. Кроме нескольких овощей, которые и говорили-то с трудом.

Иван сказал, что без Николая он никуда не пойдёт, и надо как-то расчекрыжить киоск. Николаю всё происходящее казалось сном. Он не понимал, где он находится и что происходит вокруг. Кто-то сунул палку в решётку, заменявшую окно, и этот гигантский рычаг со скрипом сорвал решётку. Николай забился в угол, не желая вылезать. Но никого это не волновало: его вытащили насильно и пнули в зад, чтобы придать его вялой туше хоть какое-то ускорение. Николай на автомате поплёлся за толпой. С толпой плёлся и какой-то даун, но он никому не был особо интересен.

Пока охранник медленно обходил забор, на ходу прожёвывая булку, пятеро психов скрылись из виду. Охраннику оставалось трёхэтажно выругаться и пойти за лестницей, чтобы снять дауна, который застрял на заборе, зацепившись за него штанами.

Тем временем сбежавшие уходили всё дальше от больницы. Незадолго до побега Денис просил всех товарищей обзвонить знакомых, к которым можно вписаться хотя бы на несколько дней. Виктор нашёл приятеля, который согласился приютить всех пятерых у себя на даче.

Николай очнулся в электричке. Осмотрелся, не понимая, что происходит. Как только объявили остановку, Николай вскочил и чуть не убежал – Виктор вовремя схватил его за шиворот. Николай беспорядочно махал руками, пытался укунить кого-нибудь поблизости, но его продолжали держать.

Но тут со стороны первого вагона хлынул поток людей. Контролёры идут... На ближайшей остановке все пятеро выскочили и успешно перебежали на пару вагонов вперёд, но Николая удержать не смогли – в последний момент он рванул в неизвестном направлении. Иван хотел было побежать искать его, но Денис убедил его не делать этого: район незнакомый, велики шансы потеряться или попасться ментам, а шанс найти сбрендившего Николая стремится к нулю.

На нужной станции четвёрка психов вышла. Через некоторое время на старой «Волге» с оторванным багажником друг Виктора довёз всех до своего дачного участка.

На следующий же день позвонили Кириллу, и он подъехал, привезя с собой много алкоголя и обещанные деньги. Поприветствовав всех, он сказал:

– А я уже слышал новость: «Из психиатрической больницы сбежало шестеро психов, одного удалось задержать, но допросить его не смогли, поскольку он не в состоянии говорить».

– Николай удрал... – сказал Виктор.

– Вот незадача! А искать пробовали? – спросил Кирилл.

– Да разве его найдёшь? – спросил Владимир.

– Расклейте объявления, может, он откликнется? – предложил Кирилл.

– Николай уже не тот. У него крыша совсем съехала... Он спасителем себя объявил... – сказал Владимир.

– О! Так и напишем: «Разыскивается спаситель», – предложил Виктор.

- Спаситель так спаситель. А мы все будем апостолами, – сдерживая смех, ответил Кирилл.
- Апостолы? Нас же не 12! – возмутился Иван.
- Так набор ещё не закончен...
- А кого мы ещё возьмём... в "аподстола"? – спросил Виктор.
- Так вон, "спутник" бродит...
- Кто?
- Да сосед... Ему всё равно нечем заняться, скотину продал, ничего не выращивает...
- Нас пятеро... ещё твой товарищ, ещё этот твой спутник... получается семеро... Пятерых ещё искать...

Искать психов было бесполезно: засели они вдали от города, а в такие глухие районы никому неохота соваться. Для порядка опросили нескольких свидетелей, объездили город и ближайшие пригороды, да и плюнули.

Глава 23

У Жанны невыносимо болела голова от всего этого шума. Всё в ней говорило, что она получила от работы всё, что хотела, и даже больше, и что корячиться тут целый месяц ради зарплаты она просто не в состоянии. Под шумок Жанна ушла, не дождавись окончания рабочего дня.

Снова пикапер. Жанна уже заранее озиралась по сторонам, гадая, откуда он появится. И снова он начал разговор с фразы, явно где-то вычитанной:

– Девушка, а с какой планеты Вы упали?

«Ладно, хрен с ним. Если сходить с ума, то по-крупному», – решила Жанна и сказала:

– С обратной стороны Луны.

– Вау. Я так и думал. А какое вино Вы предпочитаете в это время суток?

– Не важно.

Слово за слово, Виталий позвал Жанну прогуляться у фонтана, а потом предложил посидеть в кафе. В кафе она ломала комедию, выслушивая несмешные шутки и байки о каких-то людях, которых она не знала, и о прочих малоинтересных вещах. Старалась вести себя как можно естественнее, неуверенно благодарила за комплименты по поводу своей внешности и с садистским удовольствием отмечала про себя, что парень смущается не меньше, чем она.

Пойти к нему домой она тоже согласилась, чему Виталий был несказанно рад. Пока он был в ванной, Жанна успела подготовиться, чтобы нанести решающий удар.

За пару секунд до смерти Виталий изменился в лице. Так он нравился Жанне гораздо больше.

А дальше случилось истинное волшебство. Когда стекла последняя капля крови, узор завесы дыма начал принимать характерные очертания, и Жанна увидела призрак. Маленькая кучка праха самопроизвольно возгорялась, а затем начала кристаллизоваться. Призрак стал осязаемым.

Некоторое время он осматривал себя и пространство вокруг, будто пытаясь вновь привыкнуть к физическому телу. Одежды на нём не было: всё истлело и восстановлению не подлежит.

Встретился взглядом с Жанной. Она, тоже абсолютно голая, сидела посреди комнаты на мокром окровавленном полотенце в дурацкий розовый цветочек. Сидела она неподвижно, настолько заворожённая изменениями, что ещё не осознала, что ритуал успешно завершён.

Сильвиус обнял её, живую, разгорячённую, с бешено бьющимся сердцем и прерывистым дыханием.

Поцелуи, сначала слишком скромные, лёгкими касаниями, затем всё смелее, с языком. Он покрывал поцелуями шею, плечи, грудь. Лёг и потянул её за собой, держа за руки, так, что Жанна оказалась лежащей на нём сверху. Страстные и быстрые движения сменялись дразняще-медленными. Иногда Жанна прижималась к возлюбленному всем телом, иногда приподнималась, выгибая спину и запрокидывая голову назад. Какие-то вибрации вверх по позвоночнику... Почти синхронно вырвавшийся сладострастный стон...

После секса Сильвиус окончательно заземлился. Иногда от секса засыпают, а иногда – просыпаются. И, вопреки стереотипам, это несколько не зависит от пола. Лежать в обнимку можно бесконечно, но когда находишься в чужой квартире, в коридоре валяется труп, а у тебя есть незавершённые дела, то приятные моменты лучше отложить.

Порывшись в одёжном шкафу, Сильвиус нашёл себе джинсы и чёрную футболку без рисунка. Жанна в это время решила обшарить квартиру в поисках денег – это то, что никогда не помешает.

– Что дальше делать будем? – спросила Жанна.

– Надо бы придумать, где скрываться. Здесь живёт кто-то ещё, возможно, мать убитого. Пока её нет, и непонятно, когда она придёт. Впрочем, и её можно убить: терять-то уже нечего. Можно сразу пойти за кольцом. Оно совсем недалеко, перед смертью я чувствовал знакомые вибрации. Поп не врал, оно у полицейских. Справиться с ними в одиночку не получится, я уже пробовал. Есть мысль, возможно, несколько безумная: отвоевать его. Было бы войско.

Пытаться оживить покойников, несколько лет гнивших в могиле, – сложная и бесполезная затея. Нужно что-нибудь более свежее. Подключившись к интернету, Жанна нашла на карте ближайший морг. Туда и решили направиться.

Глава 24

Пройти пункт охраны оказалось несложно, охранник пытался вспомнить, видел ли он эту парочку раньше, и пришёл к выводу, что они здесь давно работают, а у него начинается склероз. В одном из работников морга Сильвиус узнал Шамана, который был также немало удивлён появлением знакомого.

– А ты здесь откуда? – спросили они друг друга почти одновременно.

После неловкой паузы Шаман сказал:

– Я вообще-то здесь работаю уже около года. Специфика такая, что нервы не выдерживают, особенно если их всякими практиками раскачивать... Тебя уже выпустили? Так быстро?

– Сбежал.

- А девушка с тобой?
- Ученица.
- Так зачем пожаловал?
- Нас могут услышать? Нет никого? Так вот, я решил играть всерьёз. Жмуров много?
- Работы хватает...
- Хочешь посмотреть, как я оживлю одного?

Шаман рассмеялся:

- А он жалобу на меня не накает?
- Всё будет под контролем.
- А девушка в обморок не упадёт?

Жанна замотала головой.

- Она привычная. У себя в Москве человек 20 поубивала. Не без моей помощи, конечно.

У Шамана отвисла челюсть. Придя в себя, он сказал:

- Ну тогда попробуй. Вот эту бабку, например, – Шаман указал на труп, разложенный на операционном столе.

Сильвиус быстро и неразборчиво что-то заговорил.

«Латынь? Арабский?» – Шаман пытался понять по звучанию, откуда могло быть позаимствовано это заклинание, но ничего знакомого в памяти не всплывало.

Когда Сильвиус отчеканил последнее слово и коснулся лба старухи, она открыла глаза и приподнялась.

Шаман в ужасе отскочил.

- Охренеть! Может, её обратно усыпить? Прикинь, как удивятся родственники! Бабка-зомби! Блин, что за день сегодня?!
- Усыпить можно. Вот только мне нужны боевые единицы. Хотя бы чтоб напугать.
- На это и одного хватит. Возьми бомжа лучше. За них тоже отчитывают, но отмазаться будет проще.
- Я скажу им, чтобы они вернулись, когда выполнят свою миссию. И, к тому же, жди новых клиентов. Их будет много.
- Кстати, что ты им говоришь? Я тоже хочу так научиться.
- Положи руку на покойника. Выпрямись, замри и не дёргайся. Повторяй за мной!

Шаман вытащил с полок из холодильной камеры несколько тел. На столах все не умещались, а потому некоторые были сброшены на пол. Сильвиус начал всё с начала. Снова заговорил на непонятном языке. Шаман с Жанной, всё время до этого молчавшей, вторили ему. Наконец, таинственный текст кончился, последнее усилие, и трупы зашевелились.

Шаману и Жанне было не по себе от такого количества тупых вонючих тварей, от которых непонятно, чего ожидать. Сильвиус, наоборот, получал от этого зрелища удовольствие, как художник, купивший новые краски и кисти, или программист, успешно скомпилировавший только что написанный код.

Некоторые трупы переговаривались между собой, шёпот был слышен даже из закрытого холодильника. Видимо, достали не всех. Но команда затронула и их тоже. Стадный инстинкт...

И это войско пошло. Прямоком в отделение полиции. Сильвиус с Жанной пошли за ними, а Шаман решил, что, как бы ни было интересно, что натворит отряд живых мертвецов в полиции, самое мудрое для него решение – не покидать рабочее место и вздремнуть, пока есть возможность.

Наталья дежурила этой ночью. Сильвиус наведывался в её сны, а потому знал её планы, её мысли и желания, её распорядок дня. Влиять на неё получалось плохо, Наталья сходу отметала любые проявления иррационального. Не то чтобы она считала это демоническим наваждением, просто у неё было убеждение «нет у меня никакого бессознательного». А кольцо... она могла бы его отдать хоть бомжу на паперти, хоть врагу, который так активно требовал его, хоть просто выбросить в реку, чтобы оно не досталось никому. Ей мешала обыкновенная человеческая жадность. Да и было в нём что-то притягательное, подобными вещами просто так не разбрасываются.

Наталья спокойно сидела у себя в кабинете и от скуки разгадывала сканворд, пока к ней не постучали. Она открыла. Перед ней стояло существо, источающее тошнотворный запах сырости и гниения. Судя по форме лица, оно было женского пола. На плешистой голове торчало несколько сальных темно-серых волос, подобранных вязаной лентой. На затылке сквозь седину отчётливо виднелось темно-коричневое пятно. Существо было одето в грязный и рваный халат. Смотря пустыми глазами на Наталью, оно словно заискивающе улыбалось беззубым ртом, и эта странная улыбка выдавала безумие.

Морщась от отвращения, Наталья пыталась осторожно отойти подальше, лишь бы эта тварь не коснулась её безупречно отглаженной формы. Достала пистолет и сделала несколько выстрелов в голову твари. Голова была прострелена насквозь, ошметки мозгов забрызгали стену, но этой твари всё было нипочём. Следом за ней в дверь ворвались две другие твари, бомжеватого вида мужики. Бежать было некуда. Наталья начала звать на помощь, но никто не пришёл. Снизу послышались крики и отборный мат. С большим трудом отбившись, Наталья обнаружила, что на первом этаже весь пол испачкан в крови, на выступах в стене висят кишки, а охранники мертвы. В кабинетах, где горел свет, тоже не было ни души. Наталья достала рацию, собралась что-то сказать... Но тут из-за поворота появился этот чёртов лич!

Несколько выстрелов в упор. Истратила всю обойму. Пули пролетели насквозь, но Сильвиус даже не поморщился, только шаг слегка замедлил.

– Когда же ты сдохнешь, наконец? Или тебя только серебро берёт?

– Кольцо у тебя, я чувствую это, – сказал Сильвиус, подойдя к Наталье и схватив её.

– Эй, полегче! Отпусти меня! – впервые за долгое время Наталье стало действительно страшно за себя.

– Просто отдай кольцо.

– Не дождёшься!

Наталья сопротивлялась из последних сил, выворачивалась, пыталась выцарапать глаза – раньше это был беспрюграмный приём, но теперь и он не действовал. Даже сверхъестественная сила кольца, хотя и придавала Наталье некоторой ловкости и живучести, проигрывала ярости создателя этого кольца. Сильвиус крепко сжимал руку у неё на шее, пока Наталья не задохнулась.

Перстень оказался во внутреннем кармане её одежды. Видимо, дресс-код не позволял ей носить крупные украшения, но от столь мощного талисмана отказываться не хотелось. Достав его и надев на безымянный палец, Сильвиус с победным чувством пошёл прочь, зажав рукой довольно крупную рану в области груди, из которой хлестала тёмная, вязкая кровь, если можно так назвать субстанцию, лишь отдалённо напоминающую жидкость, циркулирующую в человеческих артериях и венах.

Из-за угла послышались крики и выстрелы.

«Где Жанна?... Кто стреляет?... Не все полицейские убиты... или это новая смена подъехала?»

Всё происходило слишком быстро, сознание уступило место инстинктам выживания. Жанна отчаянно орудовала ланцетом, позаимствованным у Шамана; он был острее и удобнее того ножа, которым она прикончила Виталия. Жанну смертельно ранили, и лишь агония не давала ей бессильно рухнуть на землю. Добив последнего полицейского, Сильвиус осмотрел бездыханное тело Жанны. Шансов никаких.

Идти было некуда. Квартира Виталия не внушала доверия: жил он явно не один, а от драк и перестрелок Сильвиус устал. В морге скоро сменится дежурный санитар, придёт дневная смена, а с ними вряд ли удастся найти общий язык. Особняк сгорел. Остался только лес. Та самая полянка, где никто не ходит, и даже птицы не поют.

Напоследок, перед тем, как уйти, Сильвиус ещё раз оглядел здание полиции, поджог картотеку, где хранились все документы, и, взяв Жанну на руки, поплёлся прочь.

Надо было спешить, пока не наступило утро, и пока улицы не заполнились людьми. К счастью, никто больше не преследовал. Дойдя до того самого места в лесу, Сильвиус расположился у корней ясеня. Жанна так и не очнулась, она была мертва. Как это глупо! Не стоило брать её с собой. Можно было надеть ей кольцо на палец; это бы помогло ранам затянуться, но к жизни уже не вернуло бы. Остаётся старый добрый одиннадцатый енохианский ключ... Но надолго ли это её вернёт? Нужен амулет, такой же, как и у него. Перерывая посыпанные пеплом развалины, Сильвиус искал подходящий для амулета камень. У него подобных камней было предостаточно, не забрали бы мародёры. Камень нашёлся. Ярко-алый кристалл граната. Сильвиус тщательно отмыл его от золы в роднике, что-то произнёс, обвязал ниткой и повесил Жанне на шею.

***

Шаман так и не дождался возвращения своих «подопечных», уйдя домой, как только кончилась его смена. Днём позвонил начальник и срочно потребовал объяснений. Оказалось, потрёпанное

войско мертвецов возвращалось по улице среди бела дня, пугая прохожих до сердечных приступов и «медвежьей болезни». Плевать, что вернулось меньше половины; плевать, что этих немногих вернувшихся уже невозможно было привести в нормальный вид. Но что делать с огромным наплывом новых покойников, не умещавшихся в холодильной комнате, даже если их складывать штабелями в проходе?

Глава 25

Сознание оставило Жанну ещё во время боя. Последнее, что она видела, – это раскроенная морда самодовольного мужика, направлявшего на неё дуло пистолета, чтобы совершить контрольный выстрел. Резкая боль разлилась по всему телу, и Жанна больше ничего не могла сделать.

После провала в памяти Жанна почувствовала, что падает в разноцветный водоворот. Почти как на грани засыпания, только невозможно проснуться, даже несмотря на волевые усилия. Потом, наконец, падать перестала. Огляделась. Всё, что её окружало, – это растрескавшаяся земля, ни единой травинки, и не за что зацепиться взору. В какую сторону идти – неизвестно. И она пошла прямо. Сколько шла – непонятно. В этом кошмарном месте не было солнца: было похоже на серые сумерки в облачный день, но даже облаков не было, только однотонный серый воздух. На ней тоже ничего не было, кроме какой-то тряпки вместо одежды. Состояние было очень похоже на сон, но сны обрываются, как только об этом подумаешь, а пробудиться из этого нового состояния не получалось.

«Сконцентрироваться. Смотреть строго перед собой, иначе всё расплывается».

Жанна шла наугад. Она не знала, куда придёт, но лишь бы куда-нибудь прийти. Наконец, перед ней появился чёрный люк. Жанна решительно открыла люк и залезла внутрь. Там было темно и ничего не видно.

Потом из темноты сверкнули два огонька; обрисовывались очертания. Это оказался кот. Осмотрев Жанну, он повернулся и пошёл. Жанна пошла за ним, пока не наткнулась на дверь, обычную белую дверь на чёрной стене. Кот подпрыгнул и задел лапой ручку двери так, что дверь открылась. Довольный выполнением своей миссии, кот юркнул обратно в темноту, растворившись в ней.

За дверью был выход из этого странного помещения к ещё более странной конструкции. Лабиринт. Стены были выложены кирпичом жёлтого цвета. Светило солнце, показавшееся Жанне невыносимо ярким. Хотелось спрятаться в укрытие, но что-то подсказывало, что, уйдя назад, она окончательно застрянет в этом мире. Откуда-то из глубин памяти всплыло, что лабиринт можно пройти, если одной рукой всё время держаться за стену. Что ж, надо попробовать. И, держась правой рукой за стену, Жанна медленно побрела вперёд. Любая развилка означала, что идти следует направо. И Жанна терпеливо шла, пока не наткнулась на дверь, из которой она пришла. Лабиринт оказался сложнее, чем можно было ожидать.

Попытка № 2: обойти лабиринт слева. Теперь, оторвав куски от своего одеяния, Жанна бросала их в тупиках и перекрёстках, на которые натыкалась. Отмеченный перекрёсток означал, что надо искать новый путь. Окончательно вымотавшись и изорвав всю тряпку на мелкие клочки, Жанна добралась до искомого места. Это был кусок гранита, какие обычно ставят на могилах. На граните было выточено её лицо. Под ним была подпись: «Жанна Борисовна Вишняковская, 1992 – 2013».

И это всё? Ни пути назад, ни дороги вперёд не было. Оставалось только лечь рядом с камнем, подтверждая указанную на нём информацию. Жанна легла и, уткнувшись лицом в землю, заплакала от безысходности. Она пыталась вспомнить свою жизнь, вспомнить путь, как её угораздило сюда попасть, но из-за нахлынувших эмоций получалось плохо.

Случайно брошенный взгляд на землю у подножия гранита. Что-то блестит. Жанна разрыла скрюченными пальцами сухую глинистую почву и достала оттуда довольно крупный красный камень. Мгновенно успокоилась. Поднесла к глазам.

Все объекты пропали. Ничего. Сколько продолжалось это «ничего» – неизвестно. Потом непроизвольно открылись глаза. Или нет: раскрылась завеса мрака. Жанна просто неподвижно лежала на мягкой траве, а рядом был Сильвиус.

– Как оно там, в Нижних мирах? – спросил он.

Жанна что-то ответила. И тут до неё дошло, что она сама не поняла смысла сказанного. Понял ли он – неизвестно, да и неважно: он-то разберётся, где он находится и что делать дальше.

А может, ей всё кажется? Какие-то слова, что это? Язык, на котором написан мир, разве его можно вербализовать? Снова закрыть глаза: может, что-то прояснится?

И точно, статичные очертания исчезли. Снова тьма и пустота. Иногда на фоне тьмы появлялись пятна. Появлялись и тут же гасли, пока очередное пятно не заслонило тьму и не разрослось, снова превратившись в лесной пейзаж.

«Где-то я это уже видела», - подумала Жанна. Только подумала не словами, а... просто этот факт как-то отпечатался в сознании. Огляделась – и снова провалилась. Так проваливалась несколько раз, пока не надоело окончательно. Решила вспомнить некоторые забавные факты из этого мира. Вспомнила, что она когда-то была человеком. Вспомнила, что люди – это живые существа с головой, парой рук и парой ног. Но перед ней не совсем человек, как и она сама. Вспомнила, что её дом где-то очень далеко, хотя и здесь было вполне комфортно и не хотелось никуда уходить. Вспомнила, как приходилось по утрам вставать в школу, а затем – в институт.

«Зачем?»

Вспомнила о своих когда-то любимых книгах. Вспомнила, что читала когда-то о магических орденах. Отметила про себя, что фигня все эти ордена, когда настоящая магия происходит с ней прямо сейчас.

Встретилась глазами с Сильвиусом. Он выглядел совсем иначе. Исчезли морщины на лбу и бесконечные шрамы по всему телу. Казалось, неизгладимая маска скорби на лице сменилась хитрой иронической улыбкой.

Жанна села к нему почти вплотную. Тишина. Слабое биение сердца. Как будто вновь заработал механизм, до этого момента бывший выключенным. То же самое – с дыханием. Оказалось, что для остановки дыхания и сердцебиения достаточно волевых усилий, как и для их запуска. Теперь возможно было два типа существования: замереть на неопределённое время или продолжать имитировать жизнь. А ведь раньше казалось, что если умереть, то это навсегда.

Пахло озоном. Одежда и волосы были насквозь мокрыми. Видимо, недавно был дождь с грозой.

– Когда я смотрю на тебя, вспоминается одно крылатое латинское выражение, – сказал Сильвиус.

– Memento mori?

– Carpe diem. Впрочем, это две стороны одной и той же монеты. Даже для бессмертных существ вроде нас с тобой нет ничего постоянного. Но какая разница, если существует то, что существует здесь и сейчас?

Эпилог

Ситуация в городе поражала. Массовые побег из дурдома, внезапно объявившаяся секта Апостолов Потерянного Спасителя, пожары и, в довершение всего, трупы в обгоревшей одежде, разгуливающие по улицам среди бела дня.

Где-то в трущобах западной окраины городка видели две тени и слышали обрывок странного разговора:

– Дальше в городе находиться небезопасно даже для нас, надо найти новое пристанище...

– В подвале лежало несколько книг. Он наверняка уцелел...